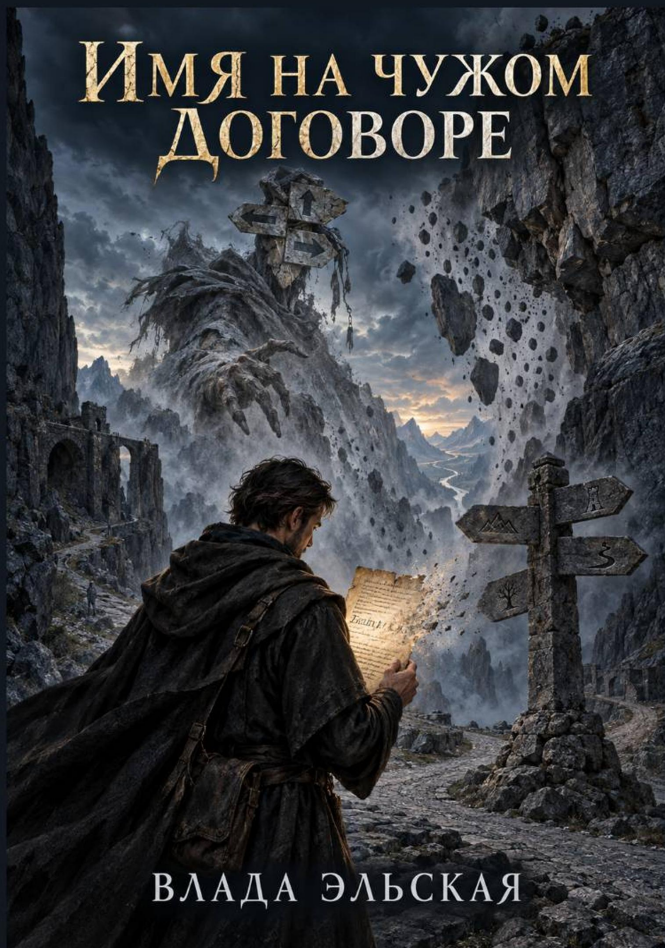

ИМЯ НА ЧУЖОМ ДОГОВОРЕ

ВЛАДА ЭЛЬСКАЯ

Влада Эльская

Имя на чужом договоре

<https://litres.ru/74620544>

SelfPub; 2026

Аннотация

В горах Семь Спин слово удерживает камень от обвала. Сборщик духовных долгов Савелий Крут приезжает взыскать пропущенный обход семи опор — и обнаруживает, что должник никогда не принимал обязательство добровольно. Много лет дорожная палата давала зависимым людям чужие имена и превращала согласие на жалованье в пожизненный договор.

Разорвать запись нельзя: её можно только переписать на другого. А тот, чьё имя становится ценой передачи, лишается документов, родовых прав и места среди людей. Пока снег отрезает четыре посёлка, Савелию предстоит найти способ удержать дорогу человеческими руками, раскрыть собственную вину в старой подмене и решить, вправе ли он спасти невинного ценой имени, которое принадлежит ему самому.

«Имя на чужом договоре» — самостоятельный фэнтезийный роман о точности слова, свободе согласия и ответственности, которую нельзя переложить на удобного человека.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Камень забыл дорогу	6
Глава 2. Должник без имени	21
Глава 3. Перепутник отвечает точно	33
Глава 4. Семь Спин	49
Глава 5. Марта держит дорогу	68
Глава 6. Чужая подпись	84
Глава 7. Сборщик приходит второй раз	101
Глава 8. Три имени одного человека	119
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Влада Эльская

Имя на чужом договоре

От автора

Имя кажется самой лёгкой собственностью: его дали до того, как человек научился говорить, оно не занимает места в сундуке и не изнашивается от дороги. Но именно имя связывает поступок с тем, кто его совершил, дом — с владельцем, обещание — с обязанным. Если эту связь можно переписать, удобнее всего платить тем, чьё слово слабее печати.

Эта история — о горной дороге, которую действительно нужно удержать, и о цене, которую нельзя объявить справедливой только потому, что иначе страшно. Здесь магия подчиняется точной букве, камень требует обычной человеческой работы, а согласие имеет смысл лишь тогда, когда человек знает, на что отвечает, и может отказаться.

Герои будут ошибаться, спорить о срочности и выбирать между настоящими потерями. Ни дух, ни хороший замысел не снимут с них ответственности за способ спасения. Главное испытание выпадет человеку, привыкшему считать себя лишь исполнителем чужой записи.

Чтобы пройти эту дорогу вместе с ним, достаточно помнить один вопрос: когда на договоре стоит имя, кто и при

каких обстоятельствах позволил его туда вписать?

Глава 1. Камень забыл дорогу

Первый камень ударил в дорогу за два поворота до заставы.

Он был с овечью голову, серый, с рыжей жилой, и вылетел из тумана так бесшумно, будто не падал со склона, а ждал Савелия за белой стеной. Кобыла шарахнулась. Савелий успел выдернуть левую ногу из стремени, навалился на седло и удержал повод, пока камень дважды подпрыгнул на плитах и ушёл через край. Снизу долго не доносилось ничего. Потом в глубине коротко треснула ветка.

— Стой, Крошка. Уже стой.

Кобыла дрожала всем крупом и косила глазом на склон. Имя ей досталось от человека, который никогда не видел её вблизи: тяжёлая бурая лошадь могла бы свезти с перевала самонадеянного возчика вместе с телегой. Но сейчас она послушалась тихого голоса. Савелий спешился, провёл ладонью по мокрой шее и только тогда посмотрел наверх.

Туман полз между елями клочьями. Над дорогой висела осыпь, перехваченная старой подпорной стеной. В середине стены темнело свежее углубление. Один камень выпал, соседний просел на ширину пальца. Из щели сочилась вода.

Савелий снял перчатку и приложил пальцы к дорожной плите. Камень был холодный, обычный. Ни мелкой дрожи, ни тёплого покалывания, которое оставляет рядом рассер-

женный дух. На мокрой поверхности лежала известковая крошка.

Он вытащил из седельной сумки железный прут, сунул его в шов стены и без усилия загнал почти по рукоять. За облицовкой не было плотной забутки. Там хлюпала земля.

— Вот ты какой, дух перекрёстка, — сказал Савелий. — С дождевой водой вместо когтей.

Крошка фыркнула ему в плечо.

Он занёс наблюдение в дорожный журнал: двадцать шестой день до расчётного снега, нижний подъём к заставе, выпавший камень, промытая сердцевина стены. Чернила на сыром воздухе расплывались, и Савелий держал страницу под плащом. Вызов, лежавший в кармане, требовал прибыть срочно из-за просроченного обхода семи опор. О стене там не было ни слова.

Савелий обвязал опасное место красным шнуром, который всегда возил с собой. Один конец закрепил на ели, второй — на дорожном столбике. Телега через такой знак проехать могла, но возчик хотя бы увидел, что останавливаться у стены нельзя. После этого он повёл Крошку в поводу.

За следующим поворотом дорога стала шире. В скале открылись ворота заставы: две низкие башни, двор между ними и колокол под отдельным навесом. На поперечной балке ещё можно было разобрать вырезанные слова: «Первая Спина». Две последние буквы кто-то подновил совсем недавно. Светлое дерево резко выделялось на почерневшей балке.

Во дворе стояли три гружёные телеги. Мешки с зерном прикрыли промасленными полотнищами, но вода уже собиралась в складках. Возчики спорили с женщиной в кожаном фартуке. Она держала молоток, а на поясе у неё висели отвес и связка железных скоб.

— До вечера не пущу, — сказала женщина. — Хоть сам староста ляжет под колёса и покажет, как крепко держится склон.

— Староста не везёт муку в Горницы.

— Потому и дожил до седых волос.

Савелий привязал Крошку к коновязи. Женщина заметила медную бляху дорожной палаты у него на воротах и оборвала спор прежде, чем он успел представиться.

— Сборщик?

— Савелий Крут. По взысканию обходного долга.

— Марта Сойма. Начальница перевальной артели. Ваше письмо пришло позавчера, а вы сегодня. Между этими днями нам на дорогу легло сорок сажень склона.

У неё были коротко обрезанные тёмные волосы с нитями каменной пыли. Не седина — именно пыль, въевшаяся у виска. Она смотрела на Савелия так, словно прикидывала, выдержит ли он удар кувалды и стоит ли тратить первый.

— Где легло?

— За заставой, у первой опоры. Малый сход. Людей не взял, край телеги снёс. Большой пока висит.

— Почему телеги во дворе?

— Потому что я не отправляю людей под слово «пока».

Один из возчиков шумно втянул воздух, но спорить при бляхе не решился. Савелий расстегнул мокрый плащ.

— Дорога закрыта вашим распоряжением?

— Моим. Можете записать превышение полномочий после того, как посмотрите склон.

— Я запишу причину закрытия. Стена за два поворота отсюда промыта насквозь. Поставьте двух человек разобрать верх и отвести воду.

Марта впервые посмотрела не на бляху, а ему в лицо.

— Вы остановились у стены?

— В меня бросили убедительный довод.

— Камнем?

— Пока одним.

Она повернулась к молодому работнику у ворот и велела найти десятника, лопаты и жёлоб. Ни удивления, ни благодарности в голосе не было, только быстрая поправка к уже составленному распорядку.

— К первой опоре пойдём пешком, — сказала она Савелию. — Лошадь оставьте здесь.

— Сначала реестр и должник.

— Сначала вы увидите, что взыскиваете.

Савелий привык к людям, которые пытались отвести сборщика от книги. Одни предлагали обед. Другие показывали больных детей, пустые амбары или могилу человека, чьё обещание досталось наследникам. Он не считал всё это

обманом. Просто долг перед духом не становился меньше от того, что человеку было трудно его исполнить. Сначала следовало установить запись, срок и нарушение. Сочувствовать можно было после — если оставалось время.

Но вода за подпорной стеной уже опровергла одно удобное объяснение.

— Показывайте, — сказал он.

Марта взяла с лавки короткую кирку. Савелию протянула кожаный шлем с медной полосой по краю.

— Я приехал читать камни, а не бодаться с ними.

— Камни могут не спросить, зачем вы приехали.

Он надел шлем.

За заставой дорога шла по узкой полке. Слева поднималась почти отвесная серая стена, справа лежала долина, до половины наполненная туманом. Из белизны иногда выступали чёрные верхушки елей. Далеко внизу шумела вода, но реки не было видно.

Марта ступала быстро, проверяя носком каждый рыхлый участок. Через сотню шагов она остановилась и подняла кулак. Впереди дорогу перегораживал вал щебня и земли. Работники уже прорубили в нём проход шириной в одну тачку. На внешнем краю валялась ось без колеса.

Савелий присел. В осыпи перемешались свежие светлые сколы и чёрная мокрая земля. Корни травы были вывернуты наружу. Между камнями торчала расщеплённая доска с красной краской.

— Телега?

— Задний борт. Возчик успел срезать постромки. Лошадей увёл.

— Когда?

— Вчера перед сумерками. Сначала посыпалась мелочь, потом ударило сверху. До этого три дня слышали щелчки.

— И не закрыли дорогу?

Марта повернулась к нему всем телом.

— Закрыла. Староста открыл своей печатью: в Горницах оставалось муки на пять дней. Теперь осталось на четыре, а три телеги стоят у заставы. Хотите ещё один правильный вопрос?

Савелий выпрямился.

— Хочу. Кто обязан был сообщить палате о щелчках?

— Смотритель первой опоры. Он сообщил. Дважды. Ответили, что хранитель пропустил обход и вы уже едете.

— Где копии?

— У меня.

Она произнесла это спокойно, но Савелий услышал невысказанное: если палата потеряла донесения, у Марты найдутся вторые листы.

Они миновали прорубленный проход. За осыпью из склона выступал опорный камень — чёрная плита выше человеческого роста, втиснутая между естественными глыбами. Перед ней была расчищена площадка. Семь медных гвоздей шли дугой по верхнему краю плиты. Шесть позеленели.

Крайний справа блестел свежим металлом.

На камне виднелось углубление для названия, но издали оно казалось пустым.

Савелий почувствовал знакомое стягивание под языком. Так бывало возле действующего обещания: словно рот помнил слово, которое ещё не было произнесено. Он снял перчатку, достал из футляра тонкую пластинку горного стекла и поднёс к плите. В прозрачной пластинке проступила молочная полоса.

Договор действовал.

— Не подходите за мной, — сказал он.

— Я каждый день к ней подхожу.

— Сегодня я задаю вопросы.

Марта осталась у края площадки.

Савелий проверил землю. Следы сапог, следы лопат, две узкие борозды от носилок. Никакого обрядового круга. У подножия плиты стояла глиняная чашка, перевёрнутая вверх дном. Он поднял её прутом. Снизу прилипли три овсяных зерна и синий волосок шерсти.

— Подношение вчера оставляли?

— Каждый вечер оставляем кашу и соль. Вчера чашку опрокинуло сходом.

— Дух её принимал?

— К утру всегда пусто.

— Это принимают мыши, птицы и духи. В таком порядке, если не поставить сторожа.

Марта ничего не ответила.

Савелий провёл пальцами над углублением, не касаясь поверхности. Камень отдавал слабым теплом. Буквы были, но их края сгладились так, словно по ним много лет текла вода. В первой впадине сохранился обломок белого состава. Он поскрёб его кончиком ножа, растёр между пальцами и понюхал.

Мел, яичный белок, толчёная слюда. Обычная смесь для поновления договорных надписей. Свежая: белок ещё пах.

— Кто подновлял название?

— Смотритель Бран. Сегодня на рассвете.

— Где он?

— В сторожке выше. Рука рассечена. Плита выбила резец. Савелий обернулся.

— Плита?

— Спросите его. Мне вы всё равно не поверите.

Сборщик снова посмотрел на углубления. Теперь он различал остатки букв. Первая могла быть «К» или «Ж». Дальше шла длинная выемка, затем круглая. Названия опор дорожного договора он знал по выписке: Козья Ступень, Медвежий Лоб, Два Зуба, Глухой Порог, Вдовья Полка, Седая Шея, Последний Карниз. Первая опора должна была называться Козьей Ступенью.

Он вынул из внутреннего кармана вызов. Печать намокла по краям, но строки сохранились.

«Хранитель Еремей Плёс не совершил именного обхода

в два последних новолуния, вследствие чего опоры дороги через Семь Спин утрачивают удержание».

Ни слова о том, что название исчезает из самого камня.

Савелий положил ладонь на плиту.

Тепло рванулось к запястью. Перед глазами на миг потемнело. Из камня пришёл не голос, а ощущение поворота: дорога раздваивалась, и обе тропы были обозначены одним знаком. Язык сам приготовился назвать опору.

— Козья Ступень, — произнёс Савелий.

Под ладонью что-то щёлкнуло.

Марта резко сказала:

— Отойдите.

Савелий не успел. Один из медных гвоздей вылетел из плиты и просвистел возле уха. Он отшатнулся. Гвоздь ударился о кирку Марты, которую та выставила поперёк, и упал в щебень.

По чёрному камню прошла тонкая белая трещина. Сверху посыпалась пыль.

Савелий отступил за край площадки. Несколько долгих ударов сердца склон молчал. Потом где-то высоко прокатился стук, будто невидимый человек бросил горсть орехов на крышу. Камешки запрыгали по дороге. Один щёлкнул о медную полосу его шлема.

Марта схватила Савелия за рукав и втянула под нависающий выступ. Они стояли плечом к плечу, пока мелкая осыпь шуршала мимо и уходила в долину.

— Хороший шлем, — сказала она.

— Убедительный.

— Вы всегда трогаете незнакомые договоры голой рукой?

— Только когда рядом есть человек с киркой.

Она отпустила рукав.

Когда склон затих, Савелий первым делом нашёл вылетевший гвоздь. На четырёх гранях были насечки: знак первой опоры, знак обхода, знак принятого подношения и имя хранителя. Последнюю грань покрывала густая зелень. Савелий соскоблил её ногтем.

Под окисью проступила прямая черта, потом полукруг. Он протёр металл краем рубахи. Насечки складывались в «Еремей».

Значит, хранитель был вписан. Нарушение имело носителя. Палата не зря прислала сборщика.

Но гвоздь вылетел не из места хранителя. Он выпал из правого края дуги, где по старому порядку закрепляли истинное название самой опоры.

Савелий подошёл к плите снова, теперь не касаясь её. Белая трещина пересекла углубления. Он поднял горное стекло. Молочная полоса стала шире, однако над одной частью надписи оставалась прозрачность.

— Что вы видите? — спросила Марта.

— Договор держит плиту. Не всю одинаково.

Он достал из сумки мешочек с угольной пылью и мягкую кисть. Марта хотела что-то сказать, но передумала. Савелий

набрал пыль на кисть и легко провёл над углублениями. Чёрный порошок осел в глубоких местах. На камне проявились буквы: КОЗЬЯ СТУПЕНЬ.

Работник у прохода перекрестился.

— Она вернулась, — тихо сказала Марта.

— Название и не уходило. Его закрывал состав.

— Я видела камень на рассвете. Бран вырезал буквы заново. До того они были гладкие.

— Старый состав мог набухнуть от воды.

— Резец не отскакивает от мела так, чтобы рассечь ладонь.

Савелий наклонился ближе. «К» была старой, с округлёнными краями. «О» тоже. А вот в слове «Ступень» углубления выглядели резче. Бран действительно прошёл их резцом сегодня. На дне лежали светлые сколы.

Пока Савелий смотрел, последний скол дрогнул.

Сначала он решил, что виноват ветер. Но белая крупинка не скатилась вниз. Она медленно поднялась по стенке буквы, будто камень втягивал её обратно. Острый край «С» стал мягче. Затем исчезла нижняя насечка у «Т».

— Марта.

Она шагнула к нему.

— Смотрите на второе слово. Не моргайте.

Они смотрели.

Камень зарастал собственной плотью. Не трескался, не крошился — затягивал порезы. Буквы мелели одна за дру-

гой. Через несколько мгновений «Ступень» можно было прочесть лишь потому, что они уже знали слово. Потом осталась «Ступе». Последняя буква закрылась первой, мягкий знак исчез за ней.

Работник у прохода попятился.

— Она забывает, — сказал он.

Савелий хотел поправить: камни не помнят и не забывают, они только несут запись. Но первая буква слова «Козья» уже теряла нижнюю черту.

Он прижал горное стекло к глазу. В молочной полосе появились два тёмных просвета, словно кто-то вырезал из неё развилку. Договор продолжал действовать. Однако действовал он на название, которое менялось прямо сейчас.

Савелий вынул журнал и записал время. Рука оставалась ровной, хотя под языком снова стянулось.

— Сколько раз это было?

— С названиями? — Марта встала рядом, заслонив плиту от работника. — На этой неделе трижды. На других опорах тоже. Мы режем заново. Через день или через час буквы уходят. Чем хуже склон, тем быстрее.

— Почему этого нет в вызове?

— Спросите у вашей палаты.

— Я спрашиваю у вас.

— Потому что я послала донесение про исчезающие названия. Палата велела не распускать суеверий и найти хранителя. Потом прислала выписку: Еремей Плёс пропустил

обход. А сегодня пришли вы.

— Где Еремей?

— В посёлке под Второй Спиной. Если не сбежал после того, как ему третий раз разбили дверь.

— Кто разбил?

— Люди, которым нужна эта дорога.

Марта не оправдывала их. От этого ответ прозвучал тяжелее.

Савелий закрыл журнал. Он приехал потребовать от должника произнести семь названий перед семью камнями и внести просроченные подношения. Обычная работа на полдня, если должник покорен, и на три дня, если прячется. Теперь первая опора не удерживала собственное имя. Произнести перед ней правильные слова было всё равно что указать возчику дорогу по столбу, который каждое утро поворачивают в другую сторону.

— До Еремея сколько?

— Если первая дорога не ляжет окончательно — четыре часа. Через нижнюю тропу шесть.

— Поедем утром. Сегодня нужен смотритель Бран, ваши копии донесений и реестр заставы за два последних новолуния.

— А телеги?

Савелий посмотрел на склон. Над плитой росла низкая сосна. Её корни наполовину обнажились, под ними блестела вода. На свежей осыпи лежали куски не только естественной

породы, но и старого раствора. Дух мог удерживать опору, однако человеческая стена выше неё была больна вполне человеческой водой.

— Две пойдут назад к нижнему складу, — сказал он. — Одну разгрузим и перенесём мешки через сход на руках. Пустую телегу протащим отдельно. До темноты успеем переправить часть муки.

— У меня шестеро на стене и пятеро здесь.

— Возчики тоже умеют носить то, что умеют продавать.

— Они скажут, что это не входит в плату.

— Тогда я проверю их дорожные обязательства. Медленно, при них.

Уголок рта Марты едва заметно дрогнул.

— Вы всё-таки сборщик.

— К несчастью для возчиков.

Она подозвала работника и начала отдавать распоряжения. Не попросила у Савелия письменного приказа и не поблагодарила за решение, словно перенос мешков был не уступкой палаты, а единственным делом, которое следовало сделать с самого начала.

Савелий остался у плиты. Угольная пыль ещё держалась в нескольких углублениях. Он переписал название в журнал, буква за буквой, и зарисовал расположение медных гвоздей. Когда дошёл до имени хранителя, достал выпавший гвоздь.

Зелень на последней грани осыпалась неравномерно. Под именем Еремея виднелись более глубокие насечки. Их заби-

ли мягкой медью, выравнивали, а поверх вырезали новое имя. Работа была искусной. Не знай Савелий, как ведёт себя металл под дорожной солью, он принял бы старые царапины за коррозию.

Он повернул гвоздь к свету. Из-под «Еремея» проступал конец другой буквы.

Чьё-то имя находилось здесь раньше.

Савелий завернул гвоздь в чистый лоскут и спрятал во внутренний карман. Потом поднял голову.

От надписи на плите осталось одно слово. «Козья» держалось бледной тенью. Второе исчезло совсем.

К вечеру камень уже не называл дорогу, которую должен был удерживать.

Глава 2. Должник без имени

Смотритель Бран лежал в караулке, положив перевязанную ладонь на мешок с овсом. Возле его койки стояли два резца, деревянная колотушка и миска с окровавленной водой. Сам он был так широк, что узкая койка казалась полкой, на которую по ошибке уложили шкаф.

— Опять резать не стану, — объявил он, едва увидел Марту. — Хоть увольняй.

— Если уволю, будешь резать бесплатно, — сказала она. — Это сборщик Савелий Крут.

Бран посмотрел на медную бляху и сел. Движение отдавалось в руке, лицо у него побелело.

— Я обход записывал честно. Еремея два новолуния не было.

— Покажите, как плита выбила резец, — попросил Савелий.

— Не плита. Буква.

Бран рассказал без украшений. На рассвете он вычистил старую смесь, прошёл резцом слово «Ступень» и взялся за мягкий знак. Камень под остриём подался, как сырая глина. Резец ушёл глубже обычного. Потом углубление сомкнулось и вытолкнуло железо. Лезвие распороло ему ладонь.

— Почему начали со второго слова?

— Первое ночью ещё читалось. Марта велела сохранить

хоть что-нибудь до приезда палаты.

— Другие названия тоже зарастают?

— На Медвежьем Лбу съело «Лоб». На Двух Зубах сперва осталась двойка, потом и её не стало. Я вырезал. Всё вернулось.

— Когда это началось?

Бран задумался.

— После прошлого новолуния. Нет. Раньше. Тогда мы заметили.

— А до того?

— Камень понемногу гладился всё лето. Мы думали, дождями.

Савелий положил на стол завёрнутый гвоздь и развернул ткань. Бран потянулся здоровой рукой, но Савелий придержал его за запястье.

— Не касайтесь. Вы этот гвоздь устанавливали?

— Я все семь менял пять лет назад.

— Имя уже было таким?

— Еремей Плёс. Как в книге.

— Под ним другая насечка.

Бран склонился так низко, что борода коснулась стола.

— Не моя работа. Я старое не забивал. Принесли готовые из палаты, велели поставить по местам.

— Кто велел?

— Писарь был. Сухой такой, глаза слезились. Умер уж.

Савелий записал приметы. Девять лет назад при первой

передаче здесь должен был присутствовать удостоверяющий сборщик. Его имя найдётся в реестре, если страницу не вырвали.

Марта принесла три книги и пачку сложенных донесений. Реестр заставы пах плесенью, старой кожей и мышами. Савелий раскрыл текущий год. Записи Брана были скупы: дата, состояние каждой опоры, подношение, присутствие хранителя. Два последних новолуния напротив имени Еремея стояло: «не явился». До этого — неровные кресты.

— Почему кресты?

— Он расписываться не умеет, — ответил Бран.

Савелий посмотрел на него.

— Человек, который не умеет расписываться, принял именной договор?

— Имя писарь внёс. Еремей крест поставил.

— Вы видели передачу?

— Я тогда на Второй Спине работал.

Марта молча подвинула старый реестр. На кожаном корешке был выжжен год передачи.

Савелий нашёл нужную страницу. Нижний угол размок и почернел, но главная запись сохранилась. «Обязанность хранителя передана Еремею Плёсу по добровольному согласию, произнесённому при свидетелях». Ни прежнего носителя, ни точных слов согласия. Под записью стояли три подписи: писаря, начальника дороги и сборщика палаты.

Савелий узнал свою руку раньше, чем прочитал фамилию.

«Удостоверил: младший сборщик Савелий Крут».

Комната стала теснее. Девять лет назад он писал крупнее и нажимал на перо, будто хотел продавить бумагу до стола. Такая подпись стояла в его первых журналах, на взысканиях, которыми он когда-то гордился.

— Вы были здесь, — сказала Марта.

Это не было вопросом.

— Согласно реестру.

— Вы не помните?

Савелий прочёл запись ещё раз. В памяти не появилось ни этой караулки, ни Брана, ни чёрной плиты. За первые три служебных года он объехал десятки дорог. Остановки смешались: мокрые тулупы, чернила на морозе, хозяева постоянных дворов, одинаково уверявшие, что дух подождёт.

— Я помню поездку через Семь Спин. Было много снега. Мы спешили до закрытия перевала.

— А человека, которому отдали долг, не помните.

— Нет.

Марта не сказала, что думает об этом. Она лишь забрала со стола донесения и выстроила их по датам.

Савелий изучил подпись через горное стекло. Чернила были старые, нажим его. Подделка потребовала бы образца, которого в то время почти нигде не было. Он действительно удостоверил передачу.

— Кто был прежним хранителем? — спросил он.

— В книге не написано, — ответил Бран.

— Договор нельзя передать, не назвав того, с кого снимают обязанность.

— Значит, назвали.

— Значит, запись неполна.

Марта постукала пальцем по строке согласия.

— Или полна ровно настолько, насколько вам тогда было нужно.

Савелий закрыл книгу.

До темноты они переносили муку. Возчики ворчали, пока Савелий не вынул чистый лист и не спросил первого, на чье имя оформлена дорожная льгота. После этого мешки пошли быстрее. Их тащили через прорубленный проход, складывали на другом конце и грузили на пустую телегу, которую артель перевела вручную. Савелий нёс вместе со всеми. Работа не исправляла подпись в реестре, но оставлять её другим он не стал.

Ночью он спал в караулке на лавке и трижды просыпался от щелчков в склоне. Каждый раз Бран поднимал голову на соседней койке и слушал. На четвёртый раз щелчка не было. Колокол во дворе качнулся сам и издал глухой удар.

Утром Савелий и Марта выехали к Второй Спине. Нижняя тропа отнимала два часа, зато шла в стороне от первой опоры. Марта взяла низкую серую кобылу и выючного мула с инструментами. Савелий спросил, зачем кирки для разговора с должником.

— По этой дороге разговоры часто приходится откапы-

вать, — ответила она.

Посёлок стоял вокруг известкового карьера. Белая пыль покрывала крыши, огороды и лица людей. Даже вороны на заборе казались седыми. Дом Еремея нашли по выбитой двери: она держалась на одной петле, проём прикрывала рогожа.

На стук никто не ответил.

Марта отодвинула рогожу. Внутри было холоднее, чем на улице. Стол перевернут, сундук раскрыт, солома из тюфяка разбросана. На стене углём написали: «Назови камни».

— Еремей! — позвала Марта.

Под полом скрипнуло.

Савелий заметил железное кольцо возле печи. Поднял крышку подпола и отступил, чтобы человек внизу видел его пустые руки. Сначала показалась палка с привязанным ножом. Потом седая голова.

— Я не пойду, — сказал мужчина.

— Я ещё не звал.

— Бляха зовёт раньше рта.

Еремей выбрался медленно. Ему было около пятидесяти, но согнутая спина добавляла ещё десяток лет. На нём были две рубахи и женская шерстяная кофта без пуговиц. Правый глаз заплыл после недавнего удара.

Марта поставила на стол принесённый хлеб.

— Кто приходил?

— Добрые соседи. Хотели помочь вспомнить дорогу.

— Имена.

— Не дам. Потом им дверь ломать будут.

Савелий снял бляху и положил в карман. Жест был почти пустым: Еремей уже увидел знак. Но говорить с человеком поверх власти, выставленной напоказ, Савелий больше не хотел.

— Меня зовут Савелий. Я приехал выяснить, почему вы пропустили обход.

— Потому что не мой он.

— В реестре стоит ваше имя.

— Не моё.

— Еремей Плёс — не ваше имя?

Мужчина усмехнулся разбитым ртом.

— Теперь моё. Девять лет как. А родился я не Еремеем и не Плёсом.

Савелий достал журнал, но не открыл.

— Как вас звали?

— Попробуйте спросить у своей книги.

— В книге прежнего имени нет.

— Вот потому и не скажу. Скажешь вам имя — завтра оно на гвозде.

Марта придвинула ему хлеб. Еремей не взял, только накрыл ладонью край стола, будто удерживал его на месте.

— Вы принимали договор с Перепутником? — спросил Савелий.

— Нет.

— Произносили согласие перед плитой?

— Произносил «да».

— На какой вопрос?

Еремей посмотрел на него внимательнее.

— А вот это вы тогда не спросили.

Савелий почувствовал холод не от комнаты. Лицо мужчины оставалось незнакомым, но голос будто задел край старой памяти: снежный двор, факелы, писарь читает быстро, стараясь закончить до метели.

— Я был при передаче, — сказал Савелий.

— Был. Молодой, в новой шубе. Всё перо грел над лампой, чтобы чернила не встали. Я вам сказал, что читать не умею. Вы ответили: писарь прочёл вслух.

Савелий не стал отрицать. Так он действительно мог ответить. Так его учили: обязанность писаря — прочесть, обязанность сборщика — удостоверить произнесённое согласие. Каждый отвечает за свою строку.

— Что прочёл писарь?

— Что артель выдаёт мне зимнюю одежду, восемь рублей вперёд и место у печи. Потом спросил, согласен ли я служить дороге до весны. Я сказал «да». Он велел назвать новое имя для жалованной книги. Я не хотел. Начальник сказал, с прежним именем денег не дадут: на нём долг хозяину карьера.

— И вы назвались Еремеем Плёсом.

— Меня так называли. Я повторил.

— Возле договорной плиты?

— Во дворе заставы. Плита была под снегом. Но гвоздь лежал на столе.

Савелий всё-таки открыл журнал.

— Точные слова помните?

— Девять лет прошло.

— Всё, что помните.

Еремей закрыл здоровый глаз.

— Писарь сказал: «Принимаешь ли службу дороге под именем Еремея Плёса, со всеми положенными обходами?» Я спросил, что за обходы. Начальник показал на телеги и сказал: проверять колёса перед подъёмом. Тогда я согласился.

— Слово «хранитель» звучало?

— После. Когда вы уже подписали.

— Я говорил с вами отдельно?

— Нет. Вы спросили писаря, все ли согласны. Он сказал: все.

На странице Савелия появилась строка, затем вторая. Он записывал медленно, не прячась за быстротой работы. Девять лет назад он удостоверил не ответ Еремея, а заверение писаря. Разница казалась малой только до тех пор, пока из склона не вылетали камни.

— Почему вы восемь лет ходили к опорам, если не считали договор своим?

— Потому что в первую зиму камень убил мальчишку. Мне сказали: ещё кто умрёт — это ты виноват. Я ходил. Семь опор за ночь, в снег и дождь. Жалованья хранителю не поло-

жено: почётная служба. В карьере работал днём.

— Почему перестали сейчас?

Еремей убрал руку со стола. Под ладонью лежал осколок чёрного камня с одной вырезанной чертой.

— Потому что этой весной Перепутник заговорил со мной.

Марта замерла.

— Что он сказал?

— Спросил, почему я каждый месяц называю чужую дорогу чужим именем.

— Дух признал имя неверным? — Савелий наклонился вперёд.

— Нет. Он слова осторожно выбирает. Сказал: «Названное тобой не равно записанному». Я спросил, что записано. Он ответил: «То, что было принято». Тогда я понял: сколько ни ходи, я называю не то.

— Почему не сообщили?

Еремей указал на выбитую дверь.

— Кому? Тем, кто девять лет назад всё правильно записал?

Савелий вынул завёрнутый гвоздь и положил на стол.

Еремей отпрянул так резко, что табурет упал.

— Уберите.

— Под вашим нынешним именем есть другое. Возможно, прежний хранитель.

— Возможно, я.

— Вы сказали, что прежнего имени не называли.

— Не вам. Писарю назвал. До заставы. Он обещал спрятать меня от карьерного долга.

Савелий завернул гвоздь обратно.

— Мне нужно увидеть насечки под медью.

— А мне нужно, чтобы моё первое имя не стало ещё одной вашей уликой.

— Без него мы не докажем подмену.

— С ним вы докажете, что договор всё-таки мой.

Марта подняла табурет и поставила между ними.

— Он прав, — сказала она Савелию. — Вы просите его дать вам единственное, чем он ещё может не отвечать.

— Если опоры не восстановить, погибнут люди.

— Это тоже правда. Но она не делает его имя вашим.

Савелий убрал гвоздь в карман. За стеной карьера ударили молотки. Каждый удар отзывался в известковой пыли на подоконнике.

— Я не буду записывать прежнее имя без вашего согласия, — сказал он Еремею. — И не потребую произнести его перед гвоздём.

— А обход?

— Пока не установлено, что именно принято, взыскание приостанавливаю.

— У вас есть такое право?

— На три дня.

— А потом?

Савелий посмотрел на разбитую дверь, на надпись углём и на хлеб, которого Еремей так и не коснулся.

— Потом мне придётся найти вопрос точнее, чем тот, который я не задал девять лет назад.

Он оторвал лист из журнала, написал распоряжение о временной приостановке взыскания и поставил подпись. Еремей прочесть её не мог. Марта прочла вслух каждое слово, не пропустив даже дату.

Когда она закончила, Еремей спросил:

— А имя ваше настоящее, сборщик?

— Савелий Крут. Так записано от рождения.

— Берегите. Запись любит тех, кто уверен, что с ними этого не случится.

Глава 3. Перепутник отвечает точно

К перекрёстку под Четвёртой Спиной они добрались после полудня. Солнце ещё стояло над хребтом, но дно ущелья уже погрузилось в сизую тень. Здесь сходились три дороги: старая тележная, новая верховая и узкая тропа к заброшенным медным выработкам. Каждая была выложена своим камнем. Серый известняк шёл к заставе, красный сланец — к рудникам, а белые округлые плиты уводили вверх, где зимой не проходил никто.

Посередине стоял верстовой столб без надписей.

— Раньше на нём были указатели? — спросил Савелий.

Марта спрыгнула с кобылы и проверила подпругу.

— Каждый год новые. Весной ставим, осенью снимаем. Если оставить на снег, Перепутник начинает отвечать путникам вместо них.

— Как?

— Правдиво. Одному говорит: до Верхних Печей ближе налево. А налево действительно ближе, если умеешь летать.

Еремей, ехавший на муле, остановился в десяти шагах от развилки. С собой его никто не принуждал. Когда Савелий сказал, что намерен говорить с духом без прежнего имени должника, Еремей долго смотрел на распоряжение о при-

остановке взыскания, потом сложил его вчетверо и спрятал под рубаху.

— Я покажу место, — сказал он. — Говорить будете сами.

Теперь он слез, привязал мула к сухой рябине и остался рядом с животным. Разбитый глаз открылся едва наполовину. В руке Еремей сжимал осколок чёрной опоры.

Савелий обошёл столб. У основания лежали дорожные подношения: три ржавые подковы, клубок спутанной шерсти, глиняная свистулька без головы, горсть маковых семян. Монет не было. Перепутнику не платили тем, что можно считать одинаково с двух сторон.

В палате учили вызывать дорожных духов до заката, встав лицом к пути, по которому пришёл. Следовало положить перед собой вещь, побывавшую на двух дорогах, и трижды спросить, куда она принадлежит. На третий раз дух являлся, чтобы прекратить спор.

Савелий достал медный гвоздь. Он побывал у опоры, в караулке, в доме Еремее и теперь лежал на перекрёстке. Для вызова подходил слишком хорошо.

— Если положите его на камень, запись услышит имя, — сказал Еремей.

— Я не буду произносить ваше имя.

— Оно уже на гвозде.

Савелий помедлил. Устав палаты называл вещь проводником, но ничего не говорил о том, что дух прочтёт на этой вещи. Девять лет назад ему хватило того, что устав ничего

не запрещал.

Он убрал гвоздь и снял с сумки ременную пряжку. Ремень купили в Низовых Полях, пряжку заменили на третьем перевале, а в дороге Савелий носил их как одно целое. Вещь знала больше одной принадлежности и не несла чужого имени.

— Куда принадлежит эта пряжка? — спросил он, положив её у столба.

Ничего не произошло. В ущелье шумела вода, скрытая под камнями.

— Куда принадлежит эта пряжка?

Кобыла Марты повела ушами. С верхней дороги скатился белый камешек и остановился на красной плите.

— Куда принадлежит эта пряжка?

Верстовой столб откинул тень в другую сторону.

Не повернул — именно откинул. Сизая полоса легла поперёк трёх дорог, хотя солнце осталось за правым склоном. Из тени поднялся человек ростом выше столба. Голова его была составлена из дощечек-указателей, прибитых друг к другу без порядка. На одной темнела стрелка, на другой обрывок слова «печи», на третьей — выцветшая ладонь с вытянутым пальцем. Ни глаз, ни рта не было. Когда дух заговорил, голос пришёл сразу с трёх дорог.

— Металлу — к руде. Вещи — к хозяину. Пряжке — к ремню. Какую принадлежность ты спрашивал?

— Ту, которую ты признал бы для вызова.

— Тогда ты уже получил ответ.

Марта тихо выдохнула. Еремей у рябины опустил голову, будто голос давил ему на затылок.

Савелий открыл журнал на чистой странице.

— Ты — Перепутник, связанный с дорогой через Семь Спин?

— Я — тот, кого люди этой дороги записали Перепутником.

— Ты связан с договором семи опор?

— Связанное не всегда держит. Держимое не всегда связано.

Савелий почувствовал знакомое раздражение. Духи любили уклоняться, а сборщиков учили теснить их вопросами, пока не останется одно значение. Он уже открыл рот, чтобы потребовать прямого ответа, но заметил, как Марта смотрит на него. Именно так он девять лет назад, вероятно, смотрел на писаря: продолжай, делай свою часть, мне довольно привычного порядка.

Он перечеркнул пустую строку.

— На договорной плите под первой опорой есть запись, которая обязывает тебя удерживать названные склоны?

— Есть.

— Эта запись действует сейчас?

— Да.

— Чьё действие или бездействие ослабило Козью Ступень в день моего приезда?

Дощечки на голове духа повернулись. Все стрелки указа-

ли вниз.

— Название было произнесено не тем именем и не в должный день. Вода вынесла мелкий камень из стены. Ты спрашиваешь об одном падении, сложенном из двух причин.

Марта шагнула ближе.

— Значит, если расчистить воду, склон будет стоять?

— Как долго?

— До зимы.

— Какой зимы?

— Ближайшей, — отрезала она. — До последнего дня ближайшей зимы по календарю перевальной заставы.

— Стена без запертой в ней воды удержит обычный снег. Она не удержит слово, которое из неё уходит.

— А если вернуть название?

— Название возвращается, когда записанный хранитель называет записанную опору.

Еремей у дерева сжал чёрный осколок. Савелий не обернулся к нему. Любой взгляд сейчас мог стать давлением.

— Назови полное общественное имя записанного хранителя, — сказал Савелий.

— Ты принёс его с собой.

— Я принёс человека, гвоздь или имя?

— Да.

Марта коротко выругалась.

Савелий записал ответ дословно. Неудачный вопрос был уликой против собственной уверенности.

— Отвечай отдельно. На гвозде, который сейчас лежит в моей сумке, записано действующее имя хранителя?

— Записано.

— Человек, стоящий возле рябины, является тем живым человеком, к которому договор относит это имя?

— Является сейчас.

Еремей глухо рассмеялся.

— Сейчас. Слышали?

— Что должно произойти, чтобы он перестал им являться? — спросил Савелий.

— Договор должен быть переписан на другого живого человека, названного полным общественным именем и принявшего запись вслух.

— Его смерть прекратит договор?

— Нет.

— Уничтожение плиты прекратит договор?

— Нет.

— Разрушение семи опор прекратит договор?

— Нет.

— Решение дорожной палаты прекратит договор?

На одной дощечке возникла косая трещина, похожая на улыбку.

— Бумага далеко кричит и близко горит.

— Нет? — уточнил Савелий.

— Нет.

Он чувствовал, как с каждым ответом сужается простран-

ство. Палата могла наказать должника, заменить сборщика, переписать реестр. Но сам договор не признавал ни наказания, ни приказа. Только передачу.

— Можно ли расторгнуть запись по согласию хранителя и дорожной палаты?

— Нет.

— По согласию хранителя, палаты и тебя?

— Нет.

— Можно ли изменить обязанности хранителя без передачи договора другому человеку?

Дух долго молчал. Белый камень, упавший с верховой дороги, качнулся и перекатился на известняк.

— Можно точнее назвать удерживаемое. Нельзя оставить запись без названного обязанного.

Савелий поднял голову. Это был первый ответ, в котором обнаружилась не только стена, но и щель.

— Кто вправе точнее назвать удерживаемое?

— Тот, чьё имя принято записью, и те, чья дорога названа.

— Дорожная палата?

— Палата ходит по дороге. Это не делает дорогу её ногами.

Марта присела и провела пальцем по стыку серой и красной плит.

— «Те, чья дорога названа» — это артель, посёлки или все, кто по ней ездит?

— Да.

— Опять, — сказала она.

— Спросите о действии, — подсказал Еремей. Он всё ещё не приближался. — Не о людях. Он людей путает легче.

Савелий посмотрел на него и кивнул.

— Если жители четырёх посёлков и перевальная артель укрепят часть склонов без твоей помощи, сможет ли хранитель вместе с ними исключить эти склоны из перечня удерживаемого?

— Если исключённое получит границы и новое название, не совпадающее с записью.

— Тогда ты перестанешь держать исключённые склоны?

— Я не держу того, чего нет в записи.

— А договор сохранится для остальных опор?

— Пока названное совпадает с записанным.

Марта встала. На её ладони осталась красная пыль.

— Значит, мы можем убрать из договора то, что удержим сами.

— Можете попытаться назвать сделанное так, чтобы люди не передумали после первого снега, — ответил Перепутник.

— Это уже наша забота.

— Люди часто называют своей заботой то, что позже приносят духу.

Савелий вернулся к причине вызова.

— Девять лет назад у заставы человек принял дорожную службу под именем, записанным на гвозде. Считаешь ли ты его согласие согласием на обязанности хранителя?

— Я не считаю.

— Ты признаёшь его согласие на обязанности хранителя?

— Запись признаёт имя. Произнесённое признаёт принятие.

— Было ли вслух произнесено слово «хранитель» до того, как человек ответил «да»?

— Нет.

— Были ли вслух названы семь опор до его ответа?

— Нет.

— Было ли сказано, что он обязан обходить их каждый новолунный день?

— После ответа.

— Было ли сказано до ответа, что его прежнее имя станет частью договора?

— Нет.

Марта медленно повернулась к Еремею. Тот стоял неподвижно, но рука с осколком больше не дрожала.

— Значит, передача недействительна, — сказал Савелий.

— Ты назвал вывод вопросом без вопроса.

— Я спрашиваю: передача действительна?

— Да.

Слово ударило сильнее камня. Савелий ожидал его и всё равно не успел приготовиться.

— Почему?

Все дощечки на голове духа повернулись к нему гладкими оборотами.

— «Почему» ищет дорогу от твоей справедливости к моей записи. Такой дороги не проложено.

— На каком точном условии основана действительность передачи?

— Живой человек был назван полным общественным именем. Он произнёс это имя. Он согласился принять службу дороге со всеми положенными обходами. Гвоздь находился при ответе. Прежний носитель имени был от записи отделён.

— Человек понимал, какие обходы принимает?

— Это не было записано условием.

— Он мог отказаться, не потеряв одежду, деньги и место у печи?

— Это не было записано условием.

— Его обманули.

— Это не было записано условием.

Савелий сжал перо так, что деревянный стержень хрустнул. Девять лет Еремей ходил по семи опорам не потому, что дух ошибся, а потому, что люди составили запись, в которой понимание и свобода не значили ничего.

— Тебе известна разница между согласием и ответом, полученным обманом?

— Известна.

— И ты всё равно держишь его имя?

— Я держу то, что поручено держать. Люди хотели духа, который не меняет решения по жалости, угрозе и подарку.

Они получили точность.

— Точность без смысла называется ловушкой.

— Ловушка тоже имеет точные края.

Марта коснулась локтя Савелия. Не успокаивая — предупредая. Тень духа стала гуще и закрыла белую дорогу. Спор о справедливости не мог ничего дать, кроме ярости.

Савелий разжал пальцы, сменил сломанное перо и задал вопрос, ради которого привёл сюда Еремея.

— Если имя под верхней насечкой гвоздя принадлежало этому же человеку до передачи, влияет ли оно сейчас на действительность договора?

— Какое имя?

— Я не произнесу его.

— Тогда ты спрашиваешь о пустом месте.

— Влияет ли скрытая нижняя насечка, независимо от прочтения её вслух?

— На гвозде нет нижней насечки.

Савелий достал свёрток, но не развернул.

— Я видел линии под медью.

— Ты видел след того, что было отделено.

Еремей шагнул от рябины.

— Моё первое имя там было?

— Не спрашивайте, — сказал Савелий.

— Девять лет молчал. Хватит. — Еремей подошёл к границе тени, однако внутрь не вступил. — На этом гвозде было имя, которым меня звала мать?

Перепутник повернул к нему дощечку с выцветшей ладонью.

— Было.

— Куда оно делось?

— Стало дорогой от одного носителя к другому.

— Кто носит его теперь?

— Запись.

Еремей раскрыл ладонь. Чёрный осколок лежал на ней, как обугленный хлеб.

— Поэтому я не могу его назвать?

— Ты можешь произнести звуки. Они не приведут к тебе.

Еремей попробовал. Губы сложились, горло напряглось, но Савелий услышал только первый выдох перед словом. Мул у рябины дёрнул повод. На миг Савелию показалось, что имя почти возникло — простое, человеческое, знакомое по снежному двору, — и тут же ушло в шум подземной воды.

— Довольно, — сказала Марта.

Еремей закрыл рот. Лицо его побелело под известковой пылью.

Савелий убрал свёрток глубже в сумку.

— При следующей передаче действующий носитель потеряет имя, которым сейчас связан с записью?

— Потеряет общественное имя, принятое договором.

— Что именно он утратит вместе с ним?

— Спроси о каждом.

И Савелий спросил. Документы перестанут узнавать

прежнего носителя. Долги, записанные на это имя, больше не смогут быть взысканы с него, но и имущество не будет ему принадлежать. Родовые книги сохраняют чернила, однако родство не приведёт к человеку. Знакомые запомнят лицо, голос и совершённые поступки, но имя станет казаться чужим. Новое имя можно будет взять, только оно не вернёт старых прав.

— А новый носитель? — спросила Марта. — Он получит права прежнего?

— Нет. Он получит обязанность и собственное имя в записи.

— Значит, договор крадёт у одного и не отдаёт другому.

— Дорога забирает пройденное расстояние и не кладёт его впереди.

Савелий записал последнее и закрыл журнал.

— Ещё один вопрос. Почему названия опор начали исчезать только теперь, если передача была действительна девять лет?

— Потому что девять лет названное произносили достаточно близко к записанному. Потом человек услышал разницу и перестал заменять одно другим.

— Что именно он произносил неверно?

— Имена семи опор менялись в человеческой речи. Запись не менялась.

— Приведи пример, не называя прежнего имени человека.

— На камне записана Козья Ступень. На заставе её восемь лет зовут Козьей Ступенью. Прошлой весной артель стала звать её Первой, потому что так короче в нарядах. Хранитель произнёс «Первая». Это другая опора.

Марта нахмурилась.

— Мы сократили названия на всех рабочих дощечках.

— Значит, пропущенное слово было не одно, — сказал Савелий.

— Семь дощечек, семь сокращений. Я сама велела, чтобы писари меньше путались.

Еремей посмотрел на неё без торжества.

— А виноватым сделали меня.

Марта выдержала его взгляд.

— Да.

Она не добавила оправдания о спешке, зерне или привычке. Савелий впервые увидел в ней не начальницу, которая всегда знает цену решению, а человека, который обнаружил цену после того, как назначил платить другого.

— Если на ближайшем новолунии хранитель произнесёт полные записанные названия, исчезновение остановится? — спросил Савелий.

— Для тех опор, чьи камни ещё отделяют одну дорогу от другой.

— Какие уже не отделяют?

— Пройди семь и спроси у камня.

На этот раз уклонение было почти приказом к работе. Са-

великий поднял пражку. Тень под столбом дрогнула.

— Разговор окончен?

— Вопросы окончены у тебя?

— На сегодня.

— Тогда сегодня разговор окончен.

Дух опал на землю сразу всеми дощечками. Савелий услышал сухой стук, но у столба ничего не лежало. Тень снова вытянулась к востоку, туда, куда ей полагалось по солнцу.

Некоторое время никто не двигался.

Потом Марта отвязала кобылу.

— До ближайшего новолуния пять дней. Семь опор за пять дней.

— Осмотреть можно, — сказал Савелий. — Исправить — нет.

— Значит, сначала узнаем, что ещё стоит.

Еремей остался у рябины.

— Я к опорам не пойду.

— Взыскание приостановлено, — ответил Савелий. — И после трёх дней я не заставляю вас исполнять то, на что вы не соглашались с пониманием цены.

— Дух сказал, передача действительна.

— Для записи. Не для моего решения.

— Палата снимет вас.

— Возможно.

— Тогда пришлёт другого.

— Поэтому мне нужны не только слова духа. Нужны

гвоздь, реестр, ваше свидетельство и все семь опор.

Еремей спрятал осколок в карман.

— Моего первого имени в свидетельстве не будет.

— Не будет.

— И вы напишете, что вопрос про службу задали до слов про хранителя.

— Дословно.

— Тогда свидетельство дам.

Это не было доверием. Только соглашением с ясными краями. Савелий теперь знал ему цену и не стал просить большего.

Они расстались у нижней развилки. Еремей поехал к карьру, Марта повернула к заставе, а Савелий задержался у верстового столба. В журнале его прежняя подпись стояла под передачей, которую дух считал действительной. Новые ответы не отменяли старой строки. Они лишь показывали, как именно люди построили ловушку и назвали её порядком.

Савелий вынул чистый лист и составил семь вопросов для семи опор. Не «держится ли склон», а что удерживает его сейчас. Не «правильно ли назван камень», а совпадает ли произнесённое название с записанным. Не «виноват ли хранитель», а какое действие ослабило каждую стену и кто его совершил.

На последней строке он написал вопрос самому себе: что ты удостоверяешь, когда ставишь имя под чужим ответом?

Ответа рядом не поставил.

Глава 4. Семь Спин

На рассвете Марта разложила на столе семь деревянных дощечек.

Ещё вчера на них были выжжены короткие слова: Первая, Вторая, Третья. Ночью артельный писарь выскоблил цифры, и теперь светлые прямоугольники казались незажившими ранами. Рядом лежал старый дорожный список, принесённый из сундука смотрителя Брана. Бумага отсырела по краям, однако полные названия читались ясно: Козья Ступень, Глухой Лоток, Каменная Ладонь, Три Колодца, Овечий Зуб, Вдовий Порог, Медная Дверь.

— Прикажешь выжечь заново? — спросила Марта.

— После осмотра.

— Людям сегодня нужны названия.

— Пусть говорят полные. Иначе к вечеру мы забудем, что именно проверяли.

Марта постукала ногтем по первой дощечке.

— Они сокращали не из злости. На морозе язык мёрзнет, руки тоже. Когда десятник кричит с дороги, ему некогда проносить «Каменная Ладонь» всякий раз, когда нужна тачка щебня.

— Тогда пусть кричит «Ладонь». Но не на обходе и не рядом с договорным камнем.

— В том и беда. Никто не сказал людям, что у камня одни

слова, а для работы другие.

Савелий записал это на полях старого списка. Не ошибка одного хранителя, а привычка всей дороги. Если наказать Еремея и оставить привычку, следующий должник через год окажется в той же западне.

До первого большого снега оставалось двадцать три дня. До новолуния — пять, считая сегодняшний. За один день можно было увидеть все семь опор, если не тратить время на еду и не пытаться чинить каждую на месте. Но смотреть на стену и проходить мимо поломки Савелий не умел. Марта, судя по двум ломам, бухте верёвки и мешку железных скоб у двери, тоже.

С ними пошли Бран и двое артельщиков. Старшего звали Иваль, он клал подпорные стены дольше, чем Савелий служил палате. Младший, Тош, нёс крашеные колышки и всё время поправлял слишком широкую шапку. Ему было девятнадцать, но Марта обращалась с ним как с мастером, когда спрашивала о воде, и как с мальчишкой, когда он подходил к краю осыпи.

У Козьей Ступени дорога ещё оставалась закрыта. За ночь со склона сошла новая горсть щебня, не больше ведра. Она легла поверх вчерашней колеи и показала путь воды: от трещины между двумя верхними камнями к промоине под стеной.

Иваль лёг на живот и сунул в щель тонкий ореховый прут. — На локоть входит, — сказал он. — За облицовкой пу-

сто.

— Камень ушёл? — спросила Марта.

— Мелочь вымыло. Большой пока держится соседями.

Савелий достал журнал с семью вопросами. Вчера он намеревался задавать их камню, но при дневном свете это казалось смешным. Камни не отвечали словами. Они показывали мокрый шов, свежую пыль, выпуклость стены. Нужно было только не приписывать духу то, что можно увидеть глазами.

Он положил ладонь на договорную плиту. Высеченная коза проступала отчётливо, а слово под ней опять сделалось мелким, словно резчик не закончил работу. Внутри камня чувствовалось слабое движение — не дрожь, а медленное скольжение букв к гладкой поверхности.

— Название уходит, — сказал он. — Но стена просела из-за воды.

— Насколько каждое виновато? — спросила Марта.

— Камень не весы.

Иваль фыркнул.

— Тут и без весов видно. Закрой воду — стена простоит до сильного снега. Верни засыпку и перевяжи два ряда — дольше. А если гора решит толкнуть, никакая кладка не спорит с горой.

— Дух спорит? — Тош говорил тихо, будто боялся, что склон услышит.

— Дух исполняет запись, — ответил Савелий. — Это не

то же самое.

Они нашли старый водоотвод в двадцати шагах выше дороги. Желоб был забит прошлогодней хвоей, глиной и обломком колеса. Обломок не мог попасть туда сам: кто-то оттащил его с проезда и бросил в канаву, чтобы не мешал телегам.

Марта молча вытащила колесный обод. Грязная вода сразу пробила себе ход, потекла по желобу и сорвалась в овраг, минуя стену.

— Красный колышек, — приказала она Тошу. — Срочный ремонт. Сегодня две смены: расчистка, засыпка, перевязать угол.

— А название? — спросил Бран.

Савелий раскрыл список.

— На обходе только Козья Ступень. Дощечку пока не ставить. Сначала сверим камень с договорной плитой.

Он ожидал возражения, но Марта уже шла к лошадям. Признавать собственную ошибку она умела быстрее, чем прощать себе.

Глухой Лоток находился выше заставы, в тесной впадине между серыми скалами. Когда-то по склону проложили деревянный жёлоб, который отводил весенний поток под дорогой. Дерево сгнило, но название осталось. Здесь ничего не осыпалось. Стена стояла ровно, швы были сухими, на краю росла старая сосна с корнями толще человеческой руки.

— Значит, этот цел, — сказал Бран с облегчением.

Савелий коснулся плиты. На ней был высечен жёлоб с тремя волнами. Первое слово читалось, второе почти исчезло.

— Стена цела. Имя — нет.

Иваль снял рукавицу и приложил пальцы к нижнему ряду.

— Холоднее соседних.

Они проверили швы. За стеной не было воды, однако из глубины тянуло ровным зимним холодом. Савелий достал медную иглу сборщика и положил поперёк трещины. Игла повернулась остриём вверх по склону.

— Здесь держит договор, — сказал он.

— Только договор? — Марта присела рядом.

— Кладка исправна. Но давление за ней больше, чем должно быть. Что наверху?

Бран показал на седловину.

— Старый вывал. Он лежит там с моего детства.

Они поднялись по козьей тропе. За гребнем открылось поле крупных валунов. Камни лежали один на другом, удерживаемые на вид лишь упрямством. Между ними рос можжевельник. Несколько ветвей были свежо содраны, на земле тянулась полоса серой пыли.

Иваль присвистнул.

— Верхний ряд шевелился этим летом.

— Почему не донесли? — спросила Марта.

— Потому что дорога внизу не шевелилась. Мы смотрим, что падает. Не то, что ещё думает.

Савелий встал между двумя валунами и произнёс полное

название опоры. Холод под ладонью исчез, зато в поле камней раздался одинокий сухой щелчок. Не падение — всего лишь трещина, которая на миг решила раскрыться и передумала.

— Не повторяйте, — сказал Иваль.

— Почему?

— Потому что гора услышала.

— Услышала запись, — поправил Савелий, хотя сам отступил к тропе. — Глухой Лоток нельзя выводить из договора до зимы. Человеческой стеной мы не удержим весь верхний вывал за двадцать три дня.

Марта взяла у Тоша чёрный колышек и вбила у плиты.

— Чёрный — оставить духу, — объяснила она. — Красный — срочно чинить. Жёлтый — можно укрепить руками. Белый — осмотреть ещё раз.

— Чёрный похож на могильный знак, — заметил Бран.

— Тогда не давайте людям забывать полное название рядом с ним.

К Каменной Ладони дорога поднималась длинными поворотами. Опора получила имя из-за пяти плоских уступов, раскинутых по склону, словно пальцы. Между вторым и третьим проходила тележная колея, четвёртый держал домик дорожного сторожа, пятый давно зарос травой.

На рабочей дощечке её называли Третьей. Еремей восемь лет обходил все пять уступов, но прошлой весной стал останавливаться только у среднего, потому что цифра указывала

на одну точку.

— Кто перенёс обходной знак? — спросил Савелий.

Бран поднял руку.

— Я. С новой дощечкой. Раньше знак висел у нижнего пальца, но оттуда его не видно с дороги.

— А договорная плита?

— Под домиком.

К домику пришлось подниматься. Строение пустовало три года: крыша провалилась, печная труба раскололась, дверь сняли на дрова. Плита лежала под кучей кровельной щепы. Когда её расчистили, оказалось, что высеченная ладонь потеряла два пальца. Не стёрлась — камень раскололся ровно по линиям рисунка. Обломки нашлись в печи среди золы.

— Кто-то топил знаком, — сказал Тош.

— Камнем, — отозвался Бран. — Для человека это был просто камень.

Савелий собрал три обломка и приставил к плите. Края совпали, но не удержались. Под целыми пальцами проступали слова, под отколотыми оставалась гладкая поверхность.

— Название обозначает пять уступов, — сказал он. — Произносили его у одного. Два пальца сожгли. Что происходило с крайними уступами?

Марта посмотрела вниз. На первом уступе стояли три сосны. Одна наклонилась поперёк склона, обнажив корни. Пятый казался ровным, пока Иваль не бросил на траву горсть

пыли. Пыль исчезла в длинной щели.

Они разделились. Иваль с Тошем спустились к первому уступу, Марта прошла по пятому, привязанная верёвкой к поясу Брана. Савелий остался у плиты. С каждого края до него долетали удары молотка, короткие команды и шорох сыпавшейся земли.

— Первый стоит на корнях! — крикнул Иваль. — Стены под ним почти нет!

— На пятом сухой разлом! — отозвалась Марта. — Глубины не вижу!

Савелий снова сложил рисунок ладони. Пять частей одного имени, две части знака уничтожены, обход сведён к средней точке. Договор не ослаб целиком. Люди сами перестали показывать ему края того, что следовало держать.

— Это можно починить? — спросил он, когда все вернулись.

Иваль сел на порог без двери.

— Первый — да. Разобрать три сажени стены, сделать основание, уложить снова. Пятый надо открыть. Если трещина только в верхнем слое, стянем скобами. Если ушла в гору — не стану врать.

— Сколько людей?

— Двенадцать на первом, восемь на пятом. Четыре дня без дождя.

— У нас пять дней до обхода, — сказал Бран.

— Обход не чинит кладку, — ответила Марта. — И клад-

ка не вернёт два пальца записи.

Савелий завернул обломки плиты в ткань.

— До новолуния Еремей не пойдёт. Даже если пойдёт, старый обход больше не соответствует месту. Нужно вернуть знаку все пять уступов и задать Перепутнику вопрос о восстановлении плиты.

— Вчера ты говорил, что разрушение плиты не прекращает договор.

— Не прекращает. Но разрушенный знак может перестать отделять одно названное место от другого. Перепутник велел пройти семь и спросить у камня. Вот ответ.

Марта вбила рядом жёлтый и белый колышки.

— Починим то, что видим. Потом спросим о трещине.

К полудню они добрались до Трёх Колодцев. Здесь склон был пологим, дорога шла среди лугов, и горы впервые за день отступили. Три круглых чаши лежали одна над другой. Из верхней вода поступала в среднюю, из средней — в нижнюю, а оттуда уходила под мост. Возле нижнего колодца женщины полоскали шерсть. Серая пена забила решётку.

Марта подошла к ним без крика.

— Кто разрешил мыть здесь?

— В деревенском ручье красильщики слили синюю жижу, — ответила пожилая женщина. — Овцы от неё пить не хотят.

— А решётку кто чистит?

— Вчера чистили.

Тош вытащил прутом плотный ком шерсти. Вода хлынула

под мост. Из-под дороги донёсся гул.

Савелий поднялся к верхней чаше. Договорная плита стояла между первым и вторым колодцем, но рисунок показывал три круга. Надпись сохранилась лучше прочих. Он произнёс название. Вода во всех чашах дрогнула одновременно.

— Магия здесь держится, — сказал Бран.

— Потому что люди всё ещё говорят «Три Колодца», — ответил Савелий. — Сократить до «Четвёртой» пытались только в нарядах. Место сильнее дощечки.

Иваль осмотрел мост и нашёл треснувшую балку. Она не была договорной опорой, но если бы мост провалился, вода пошла бы поверх дороги и размыва нижний склон.

— Ещё одна обычная поломка возле чудесного камня, — сказал он. — Их всегда не замечают первыми.

Марта велела женщинам перенести полоскание ниже моста, а Брану — сегодня же привезти новую балку. Возражения начались сразу: ниже течение быстрое, шерсть унесёт; в деревне нет другой воды; красильщики виноваты больше. Марта выслушала всех и назначила двух артельщиков натянуть верёвочную сетку ниже по течению. Потом записала имя красильного старосты.

Савелий наблюдал, как решение собирается из мелких неудобств. Палата любила одну подпись под одним приказом. Здесь же требовались сетка, новая балка, разговор с красильщиками, ежедневная решётка и человек, который не скажет завтра, что это чужая работа.

— Три Колодца можно вывести из договора? — спросила Марта, когда они снова сели на коней.

— Пока нет. Мы даже не знаем, что именно удерживает дух: склон, воду или все три чаши.

— Но стена здесь не нужна.

— Зато нужен мост. И вода под дорогой. Не будем угадывать удобный ответ.

Она поморщилась, однако взяла белый колышек.

Овечий Зуб встретил их ветром. Узкая белая скала торчала над дорогой и делила поток воздуха надвое. Под нею пастухи устроили загон. Каменная ограда примыкала прямо к договорной плите, а на плите висели мотки верёвки, колокольцы и котёл.

— Удобный гвоздь, — объяснил пастух, когда Марта потребовала всё снять.

— Это не гвоздь.

— Камню без разницы.

Савелий уже слышал эту мысль сегодня возле сожжённых пальцев. Камню, возможно, и правда было без разницы. Записи — нет.

Под котлом обнаружилась жирная чёрная полоса. Огонь разводили вплотную к плите. От жара поверхность расслоилась, буквы стали похожи на рыбью чешую. Сам Овечий Зуб стоял крепко, зато под дорогой пастухи расширили зимовочную нишу. Они выбирали плоский камень из основания, потому что из него удобно складывать очаги.

Иваль забрался внутрь и вскоре выругался так громко, что овцы шарахнулись к ограде.

— Полдороги висит над вашей спальней!

Пастух пожал плечами.

— Семь лет висит.

— На духе висит, — сказал Савелий.

Игла у входа повернулась к плите. Здесь магическая опора принимала на себя вес, который люди незаметно добавляли каждый год, вынимая основание.

Марта приказала выгнать стадо из загона и заложить нишу до темноты. Пастух потребовал другую зимовку. Разговор стал громким. Он напоминал, что его люди расчищали дорогу после лавины, что артель брала у них мулов, что овцы не могут ночевать на ветру. Марта не отрицала ни одного долга, но и не отменила решения.

— Сегодня ставим общий шатёр у нижней рощи, — сказала она. — Артель даёт брезент и дрова. Завтра выберем место для нового загона. Камень из ниши вернёте сами, кладкой займётся Иваль.

— А если я не соглашусь?

— Тогда дорога провалится в вашу спальню, и согласие станет короче.

Савелий отметил Овечий Зуб чёрным и красным. Оставить духу до зимы, немедленно вернуть человеческую опору. Эти причины нельзя было разделить одной чертой. Дух держал то, что люди ослабляли, а потому его исправность скрывалась.

вала их небрежность.

На Вдовый Порог они поднялись перед закатом. Небо затянуло тонкими облаками, и свет сделался плоским. Дорога пересекала широкую каменную полку. Ни стены, ни желоба, ни явной трещины. Только ряд столбов по внешнему краю и низкая плита у внутреннего.

— Почему Вдовый? — спросил Тош.

Бран перекрестился.

— Тут двадцать два года назад сорвалась повозка с тремя мужчинами. Жёны потом поставили столбы.

— В договоре название старше, — заметил Савелий.

— Значит, до них были другие вдовы.

Марта велела не гадать. Они простучали полку, проверили столбы, спустили человека на верёвке под край. Камень был цельным. Игла не повернулась. Плита откликнулась на полное имя лёгким теплом, но Савелий не почувствовал обычного натяжения действующего удержания.

— Перепутник здесь ничего не держит? — спросила Марта.

— Договор действует, название совпадает. Но сейчас нет силы, которой он противостоит.

— Тогда это первая опора, которую можно взять на себя. Иваль покачал головой.

— Не спеши. Цельный камень тоже трескается.

— Всё когда-нибудь трескается.

Они нашли старую лестницу к верхней части полки. Там,

за гребнем, лежал неглубокий пруд, которого не было на дорожной карте. Бобры перегородили ручей ветками и глиной. Вода поднялась почти до края естественной чаши. Ещё одна сильная осенняя гроза — и она перелилась бы на Порог.

Тош засмеялся первым, от усталости и облегчения.

— Опять вода.

— Вода всегда идёт вниз, — сказал Иваль. — Это люди каждый раз удивляются, где она вышла.

Плотину нельзя было просто разрушить: поток ударил бы по дороге сразу. Марта отметила место жёлтым и велела завтра прокопать боковой слив в каменистую ложбину. Савелий записал: удержание договора сейчас не требуется; опасность будущая и устранимая; новое человеческое название должно включать всю полку, но не пруд.

— Зачем новое? — спросил Бран. — Старое всем известно.

— Потому что старое принадлежит записи. Если мы хотим исключить место, нужно дать укреплённому человеческому участку границы и имя, которое с записью не совпадает.

Тош посмотрел на ряд поминальных столбов.

— А вдов тогда тоже исключим?

Савелий не сразу нашёл ответ.

— Нет. Память не принадлежит духу только потому, что попала в договор. Но новое имя должны выбрать те, кто здесь живёт. Не палата и не я.

Последней на сегодняшнем пути была Медная Дверь. До неё добрались в сумерках, хотя седьмая опора, Три Колодца, осталась позади, а шестая была Порогом: порядок дороги и порядок старого договора не совпадали. Медная Дверь стояла у восточного выхода из цепи, где две отвесные скалы сходились почти вплотную. В закатном свете порода отливала зеленью. Когда ветер проходил между стенами, ущелье гудело низко, как огромный пустой котёл.

Договорную плиту они не нашли.

Бран клялся, что весной она была справа от дороги. Марта подняла людей с фонарями. Они осмотрели обочину, канаву, осыпь и старый склад взрывного камня. На месте плиты осталась прямоугольная яма и две борозды от полозьев.

— Её увезли, — сказал Иваль.

— Кто станет красть договорный камень? — спросил Тош.

— Тот, кому нужен хороший ровный камень.

След полозьев уходил к заброшенной весовой будке. За нею лежала новая площадка, вымощенная крупными плитами. На одной стояли весы для рудных телег. Край камня выступал из-под деревянной станины. Савелий опустился на колени, смахнул пыль и увидел медную черту рисунка.

Плиту положили лицом вниз.

— Весы шатались, — вспомнил Бран. — Возчики сами подложили основание. Месяца два назад.

— После этого название на опоре стало исчезать? — спро-

сил Савелий.

— Раньше. Но не так быстро.

Чтобы поднять станину, требовалось разобрать весы. Марта хотела вызвать людей с заставы, однако Савелий остановил её. Ночью, при фонарях и усталых руках, плиту скорее расколют. Он лёг на землю и просунул ладонь под край. Камень был горячим, хотя солнце давно ушло. Из-под весов доносился едва слышный скрежет, будто буквы тёрлись о дерево.

Медная игла не повернулась. Она прилипла к земле и стала указывать вдоль дороги — назад, к шести пройденным опорам.

— Что это значит? — спросила Марта.

— Не знаю.

Он сказал это без стыда. После встречи с Перепутником незнание стало не провалом, а краем, дальше которого нельзя выдавать удобный ответ за точный.

Они развели огонь у будки. За день в журнале появились красные, жёлтые, белые и чёрные отметки, но ни одной чистой причины. Козья Ступень страдала от воды и исчезающего имени. Глухой Лоток держался хорошей кладкой и силой договора против старого вывала. Каменная Ладонь была раздроблена человеческими руками и забытым обходом. Три Колодца сохраняли имя, но могли потерять мост. Овечий Зуб нёс вес вынутого основания. Вдовьему Порогу угрожал новый пруд. Медную Дверь превратили в подставку для

весов.

— Я думала, мы разделим: это дух, а это люди, — сказала Марта, глядя на огонь.

— Разделили.

— Тогда почему у каждой опоры по две причины?

— Потому что одна причина могла скрывать другую. Пока дух держал склон, люди не видели, сколько камня вынули. Пока люди чинили стену, палата считала договор исправным. Это всё равно разные работы.

Иваль протянул к огню ладони.

— Разные, а упадут вместе.

Савелий перелистал записи. Семь опор нельзя было просто вернуть прежнему обходу. Старый порядок уже не существовал: знак перенесли, плиту раскололи, названия сократили, одну плиту увезли. Заставить Еремея произнести семь правильных слов значило сделать вид, будто девять лет человеческих решений ничего не изменили.

— Завтра возвращаемся к Каменной Ладони и Медной Двери, — сказал он. — Нужны точные границы утраченных знаков. Потом снова вызываем Перепутника.

— А ремонт? — спросила Марта.

— Козья Ступень — сегодня. Овечий Зуб — сегодня ночью хотя бы закрыть вход и подпереть дорогу. Вдовый Порог — завтра начать слив. Глухой Лоток не трогать без расчёта верхнего вывала. На Трёх Колодцах заменить балку и чистить решётку каждый вечер.

— Каменная Ладонь?

— Открыть пятый уступ и готовить кладку на первом. Но не обещать, что успеем вывести её из договора до снега.

Марта повторила распоряжения Брану. Тот записал их на обороте прежнего наряда, где опоры ещё назывались цифрами. Потом зачеркнул цифры так яростно, что порвал бумагу.

Ночевать решили у весовой будки. Иваль с Тошем ушли навстречу смене, которую Марта вызвала сигнальным огнём. Бран лёг у костра, подложив под голову бухту верёвки. Марта долго стояла над перевёрнутой плитой.

— Если бы Еремей не перестал ходить, мы бы ничего этого не увидели, — сказала она.

— Увидели бы после обвала.

— И назвали бы его виноватым.

Савелий не ответил. Девять лет назад он поставил подпись и уехал. Теперь дорога показывала ему, сколько решений успевает вырасти из одной непроверенной строки.

Марта села на порог будки.

— Утром я отправлю в четыре посёлка полный список названий. Не приказ об обходе. Только предупреждение, чтобы никто не называл камни цифрами.

— Добавьте, что старые дощечки сняты по вашей ошибке. Она повернула к нему лицо.

— Людям важнее правильные слова, чем имя виноватой.

— Еремею девять лет говорили то же самое.

Ветер в Медной Двери загудел сильнее. Марта опустила

взгляд на руки. На костяшках засохла глина из водоотвода Козьей Ступени.

— Добавлю, — сказала она.

Это стоило ей больше, чем распоряжение о двадцати рабочих. Савелий не поблагодарил. Признание, сделанное ради похвалы, слишком легко становилось другой сделкой.

Он открыл журнал и под итогом дня написал: ни одна из семи опор не ослабла только из-за пропущенного слова. Но у каждой пропущенное или сокращённое слово позволило людям ошибиться в границах того, за что они отвечали.

Потом добавил сроки. Пять дней до новолуния. Двадцать три до снега. Семь опор, из которых по крайней мере две нельзя было безопасно отдать человеческой кладке в этом году. Для остальных ещё требовалось доказать, что ремонт удержит не обещание, а настоящий камень.

Под весами что-то снова заскрежетало.

На этот раз Марта тоже услышала.

Они подошли к станине с двух сторон. Из щели под перевёрнутой плитой выползла тонкая зелёная стружка. Она свернулась на земле знаком вопроса. Савелий поднял её ножом и понял, что это не медь.

Это была буква, срезанная с названия Медной Двери тяжестью человеческих весов.

Глава 5. Марта держит дорогу

Утром у Медной Двери стояли люди из четырёх посёлков. Они пришли не вместе, но ожидание сделало их похожими. У каждого была причина пройти закрытый участок именно сегодня: мешок соли закончился в Нижних Печах, роженице под Третьей Спиной требовалась повитуха, в Рудном остывали плавильные печи без угля, а в Выселках оставалось зерна на девять дней. Последнее повторяли чаще всего.

Марта выслушивала их у перевёрнутой плиты. За её спиной Иваль с шестью рабочими разбирал рудные весы. Каждый удар молотка отзывался в ущелье так, будто кто-то стучал изнутри скалы.

— Дорога закрыта не вся, — сказала Марта. — Пеших проводим по верхней тропе. Вьюк пойдёт малыми связками через Козью Ступень после полудня, если Иваль примет кладку. Телеги пока останутся здесь.

— Нам не мешки нужны, а сорок возов, — возразил староста Выселок. Его звали Радомир, и на поясе он носил ключ от общественного амбара размером с ладонь. — До снега надо завезти две тысячи мер.

— Две тысячи не пройдут сегодня, даже если открыть шлагбаум.

— А через неделю?

Марта посмотрела на Савелия. Вопрос предназначался ей, но ответ люди ждали от сборщика, потому что на его воротнике ещё была медная печать палаты.

— Через неделю Глухой Лоток останется зависим от договора, — сказал он. — Каменную Ладонь можно будет оценить после разборки трещины. Козью Ступень артель укрепляет. Точного срока для телег сейчас нет.

— Значит, хранитель должен сделать обход, — отрезал Радомир.

— Нынешний обход не соответствует состоянию опор.

— Девять лет соответствовал.

— Девять лет дорога пользовалась человеком, которому не объяснили цену службы.

Слова вызвали движение в толпе. Кто-то знал историю Еремея, кто-то слышал лишь, что хранитель отказался работать. Женщина с корзиной яиц сказала, что цену хлеба тоже никто не объясняет заранее. Ей ответили, что от разговора мука не появится. Спор разошёлся быстрее трещины по сухому камню.

Марта поднялась на основание весов.

— Тихо.

Она не крикнула. Просто произнесла так, как командовала во время обвала, и люди замолчали.

— Я сократила названия опор в нарядах. Я велела заменить полные имена цифрами, и из-за этого обход перестал совпадать с записью. Ошибку исправляем. Но открыть доро-

гу приказом я не могу. Кто скажет вам обратное, пусть сначала встанет под Глухим Лотком, когда верхний вывал перестанет держаться.

Признание не смягчило толпу. Наоборот, вина получила лицо.

— Значит, ты и отвечай, — сказал кто-то.

— Отвечаю.

— Зерном?

— Работой и дорогой.

— Работу не сваришь детям.

Марта сжала губы. Савелий видел, как легко ей было бы приказать страже разогнать людей. На заставе имелись восемь вооружённых дорожников. Но она не позвала ни одного.

— До вечера каждый посёлок пришлёт список запасов, — сказала она. — Не со слов лавочников, а с печатями амбаров. Сегодня отправляем сорок выючных мулов: двадцать с мукой, десять с солью, остальные с лекарствами и железом. Обратно они вынесут тех, кому нужно вниз. Завтра будет второй караван.

— А ремонт кто сделает, если погонщики уйдут с мулами? — спросил Бран.

Марта обернулась.

— Поэтому от каждого посёлка нужны по восемь человек на дорогу.

— Наши люди не твоя артель, — сказал Радомир.

— Тогда мои люди не ваши погонщики.

Толпа загудела снова, но теперь спор стал предметным. Сколько работников даст каждый посёлок, кто отвечает за мулов, где разместить ночлег, кому достанется первая мука. Савелий отошёл к плите. Иваль уже поднял край весовой станины на двух домкратах. Под нею показалось зелёное изображение двери, перечёркнутое глубокими царапинами.

— Ещё палец, — велел Иваль.

Рабочие нажали на рычаги. Станина приподнялась. Тош подложил дубовую колоду и едва успел убрать руку, прежде чем один домкрат сорвался. Дерево приняло вес с оглушительным треском.

Савелий схватил Тоша за ворот и оттащил.

— Я успевал, — выдохнул парень.

— Тогда в следующий раз успеешь не совать руку.

Иваль проверил колоду и приказал всем отойти. Весы разбирали ещё час. Пока люди спорили о зерне, тяжёлые чаши сняли, поперечную балку опустили на землю, станину сдвинули катками. Договорная плита открылась целиком.

Слова на ней сохранились только по краям. В середине дерево вытерло длинное пятно. От названия осталось «Мед» и последняя мягкая черта. Изображение двери лишилось створок.

Бран снял шапку.

— Мы это сделали.

— Возчики, — поправил Тош.

— Мы дали им весы. Мы не показали, что лежит под ними. Какая разница, чьи руки?

Савелий провёл медной иглой над плитой. Теперь она указывала не назад, а на скалу слева от прохода. Там зеленела узкая жила руды.

— Название распалось, — сказал он. — «Медная» тянется к металлу. «Дверь» почти исчезла. Договор больше не понимает их как одно место.

— Можно вырезать заново, — предложил Тош.

— Можно, если точно знать прежние буквы и границу опоры. Но вчера Перепутник сказал: названное должно совпадать с записанным. Новая резьба может оказаться только нашим мнением о старой.

Марта вернулась от старост. В руках у неё было четыре листа с именами работников.

— Не можем оставить как есть.

— Не можем. Сначала снимем оттиск сохранившихся краёв и найдём старую копию записи.

— Где?

— В палате должна быть договорная книга.

— До палаты шесть дней туда и обратно.

— Если ехать без сна.

— Через пять дней новолуние.

Они посмотрели на повреждённую плиту. Ветер шёл через проход ровно, не встречая невидимой преграды. С левой стены посыпалась медная пыль.

— Вот почему мне нужен новый хранитель сейчас, — сказала Марта.

Иваль перестал отдавать команды. Даже люди у дальней чаши весов услышали.

Савелий медленно убрал иглу.

— Новый хранитель не исправит стёртую запись.

— Но сможет вместе с нами назвать опоры заново.

— Только если действующий хранитель согласится на передачу и на изменение удерживаемого.

— Еремей согласится отдать долг.

— Возможно. Кому?

Марта кивнула в сторону толпы.

— Среди четырёх посёлков найдётся человек, который примет службу за плату.

Староста Радомир услышал последние слова и подошёл ближе.

— Выселки соберут хранителю дом и двадцать мер зерна в год.

— Рудный добавит жалованье, — сказал другой староста.

— Дорога нужна всем.

Предложение росло на глазах. Дом. Зерно. Освобождение от дорожной подати. Доля с каждого рудного обоза. Люди, которые минуту назад не хотели отдавать по восемь работников, теперь были готовы оплачивать одно имя, лишь бы оно удержало гору вместо них.

— Вы не знаете полной цены передачи, — сказал Савелий.

— Так назови, — потребовал Радомир.

Савелий посмотрел на Марту. Она не отвела глаз.

— Прежний носитель потеряет общественное имя, — произнёс он. — Документы перестанут вести к нему. Имущество, родовые права и записанное родство больше не будут его признавать. Люди запомнят лицо и поступки, но имя станет чужим. Новый хранитель получит обязанность под собственным именем.

Тишина продержалась недолго.

— Прежний — это Еремей? — спросила женщина с яйцами.

— Да.

— А он и так живёт в чужом доме.

— Дом его, — сказал Бран.

— По бумагам?

Никто не ответил. Дом у карьера принадлежал управе. Еремей жил там, пока числился дорожным служащим. Потеряв имя, он не лишился богатого наследства, потому что богатства у него не было. Толпа мгновенно превратила это в довод: цена будто становилась меньше, если у человека почти нечего отнимать.

— Новому имя останется? — спросил Радомир.

— До следующей передачи.

— Значит, служит, получает дом, потом отдаёт другому. За это можно платить.

— Передача заберёт его имя позже.

— Позже — не сейчас.

Марта прыгнула с основания.

— Мы не назначаем человека в толпе. Я сказала: доброволец.

— Голод тоже не спрашивает, добровольно ли приходит,

— заметила женщина.

Савелий почувствовал, как разговор сворачивает на знакомую дорогу. Девять лет назад писарь тоже предлагал Еремею место у печи и зимнее жалованье. Не угрожал ножом. Не связывал руки. Просто ставил голодного человека перед единственным тёплым ответом и называл произнесённое «да» свободным.

— До выяснения условий я запрещаю передачу, — сказал он.

Радомир усмехнулся.

— Ты запретишь людям спасти свои дома?

— Я запрещаю скрывать цену за словами о службе.

— Мы только что её слышали.

— Услышали не всю. Мы не знаем точного объёма обхода после повреждения плит, не знаем, можно ли восстановить названия и сколько опор останется в записи. Нельзя соглашаться на обязанность, границ которой никто не может назвать.

— А дорогу можно закрыть без срока?

— Нет. Поэтому вы сейчас даёте людей на ремонт.

Староста Выселок повернулся к Марте.

— Он командует твоей артелью?

— Нет.

— Тогда открой проезд.

— Нет.

Одно и то же слово прозвучало у неё иначе. У Савелия это был запрет сборщика, пока ещё защищённый печатью. У Марты — решение человека, который останется здесь после того, как палата отзовёт своего служащего.

Радомир поднял ключ от амбара.

— Через девять дней я принесу тебе пустой мешок из дома, где дети ели воду с солью.

— Через девять дней в Выселках будет мука, — ответила Марта. — Не сорок возов. Столько, сколько проведём безопасно. Если хочешь больше, присылай людей.

Старосты ушли совещаться. Толпа распалась на группы. Некоторые записывались в караван, другие спорили о долях зерна. Женщина с яйцами осталась у плиты и спросила Тоша, не возьмёт ли он корзину на верхнюю тропу. Через несколько минут она уже распределяла яйца между выючными коробами, перекладывая их шерстью.

Марта отвела Савелия к краю ущелья.

— Ты поставил меня против посёлков.

— Вы сами закрыли дорогу до моего приезда.

— На день. Чтобы осмотреть Козью Ступень. Теперь у нас семь больных мест, пять дней и дух, которому нужен носитель.

— Духу нужен не новый носитель, а действительный. Сейчас это Еремей.

— Еремей отказался от обхода.

— Потому что его обманули.

— Гора не становится легче от того, что он прав.

Савелий видел усталость в её лице. За ночь она не спала. Под глазами залегли тени, волосы выбились из тугой косы. Но жалость здесь была бы таким же оскорблением, как похвала за признание.

— Что вы предлагаете? — спросил он.

— Найти человека, который услышит всё и всё равно согласится. Открыто. При свидетелях. С домом, пожизненным содержанием и правом остановить обряд до последнего слова.

— С правом отказаться после первого года?

— Договор нельзя расторгнуть.

— Значит, пожизненное содержание кончится передачей вместе с именем. Кто тогда взыщет обещанное, если документы его не узнают?

Марта замолчала.

— Заплатить семье заранее, — сказала она после паузы.

— Если у него есть семья, которая не зависит от этих денег. Иначе согласие будут выговаривать дети за его спиной.

— У каждого есть нужда. По-твоему, свободно решает только богатый человек без родных?

— Нет. Но чем теснее нужда, тем яснее должны быть вы-

ходы.

— Выхода у дороги нет.

— Есть ремонт.

— За двадцать три дня мы не удержим семь склонов руками. Ты сам это записал.

— Поэтому сначала сокращаем семь до тех, которые действительно нельзя удержать. Потом говорим о цене оставшегося долга.

Марта подняла с земли зелёную стружку-букву, найденную ночью.

— А если за пять дней не успеем?

— Тогда просим Еремея сделать один точный обход после восстановления названий. Не как признание справедливости договора. Как отдельное действие ради дороги.

— Он откажет.

— Может быть.

— И ты примешь его отказ?

Савелий посмотрел в проход Медной Двери. По дороге тянулась первая цепочка мулов. Погонщики привязывали мешки попарно, чтобы груз не стягивал животных в сторону. Среди людей уже работал страх: они торопились, путали узлы, перекрикивали друг друга. Один приказ мог сделать движение ровнее. Одно чужое имя могло сделать ровнее всю дорогу.

— Да, — сказал он.

Марта сжала стружку в кулаке.

— Тогда ты готов оставить четыре посёлка без пути ради свободы одного человека.

— А вы готовы отнять одного человека у самого себя ради четырёх посёлков.

— Готова попросить.

— Начальница дороги просит не так, как соседка. За вами дом, жалованье, зерно и право закрыть человеку работу.

— Поэтому нужны свидетели.

— Свидетели были и у Еремея.

Она отвернулась. Савелий понял, что попал точно и жестоко. Марта не участвовала в прежней передаче, но её доски продолжили тот же порядок: удобство дороги важнее смысла человеческого ответа.

— Я всё равно буду искать, — сказала она.

— Тогда я буду говорить каждому, что предложение неполно, пока не известны три оставшиеся опоры.

— А если найдётся тот, кто согласится сейчас?

— Не удостоверю.

— Палата пришлёт того, кто удостоверит.

— Значит, у нас меньше времени, чем до снега.

Со стороны дороги донёсся крик. Первый мул встал перед узким проходом и попятился. Над ним осыпалась медная пыль. Погонщик дёрнул повод, животное рванулось вбок, ударило коробом о скалу. Мешок распоролся, белая мука хлынула на зелёный камень.

Толпа ахнула так, будто увидела кровь.

Марта побежала первой. Она схватила мула под уздцы, развернула мордой к себе и закрыла ему глаза ладонью. Савелий оттащил порванный короб. Тош с женщиной стали собирать муку в плащ, но пыль смешивалась с песком.

— Не жалейте этот мешок, — приказала Марта. — Уведите животное. Остальных по одному, без крика.

— Здесь падает! — закричал кто-то.

— Пыль падает. Скала стоит.

Будто опровергая её, с высоты сорвался кусок породы размером с кулак. Он ударился в дорогу и раскололся. Люди отшатнулись.

Савелий поднял обломок. Внутри шла зелёная жила. По свежему сколу тянулась половина буквы, которой не могло быть в природном камне.

Он посмотрел на договорную плиту. Стёртое название не просто исчезало. Его части уходили в скалы по обе стороны прохода. Медная Дверь становилась то медью, то дверью, и договор пытался удержать оба значения в разных местах.

— Караван назад, — сказал Савелий.

— Нет, — ответила Марта.

— Пока не поймём, что удерживает запись, проход опасен.

— Если повернуть сейчас, к вечеру люди разнесут, что дорога рухнула. Завтра сюда никто не пришлёт рабочих.

— Если провести и упадёт больше пыли, у нас будут раненные.

Марта оценила скалы, ширину прохода и цепочку из тридцати девяти мулов. Потом приказала разгружать животных и переносить мешки через ущелье людьми под натянутым брезентом. По одному мешку, по три человека, с наблюдателями наверху. Мулов вели пустыми.

Это было медленнее, чем повернуть, и тяжелее, чем рискнуть. К полудню плечи рабочих побелели от муки, руки дрожали. Но первый груз оказался по другую сторону Медной Двери.

Марта сама несла последний мешок. Когда она поставила его на телегу, Радомир подошёл и молча протянул список ещё из шестнадцати людей от Выселок.

— Завтра будут, — сказал он. — Но добровольца тоже ищите.

— Будем, — ответила Марта.

Савелий услышал.

До вечера он снимал оттиск с повреждённой плиты. Бумага рвалась на стёртом месте, уголь проваливался в царапины. Получались края двух слов и пустота между ними. Бран отправил гонца в заставный архив за всеми копиями старых нарядов. Иваль повёл людей на Овечий Зуб. Тош ушёл с караваном, всё ещё белый от муки.

Перед отъездом Марта положила зелёную букву на лист Савелия.

— Ты собираешь доказательства против палаты, — сказала она. — Собери и против меня.

— Зачем?

— Чтобы тот, кому я предложу договор, знал, что я уже однажды предпочла короткое слово точному. И чтобы ты не мог сделать вид, будто стоял рядом с безупречным человеком.

— Я давно так не думаю.

Уголок её рта дёрнулся, но улыбки не получилось.

— Сегодня вечером на заставе будет собрание. Старосты, артель, люди из посёлков. Я объявлю условия для добровольца.

— Не объявляйте до второго разговора с Перепутником.

— Тогда посёлки объявят сами. Без полной цены и без права остановиться.

Это было правдой. Запрет не оставлял пустое место пустым; его быстро занимала более грубая сделка.

— Я приду, — сказал Савелий. — И назову всё, чего мы ещё не знаем.

— Называй. Только после этого дай людям решить, могут ли они ждать.

Марта уехала к заставе, где её ждали зерно, рабочие и обвинения. Савелий остался у Медной Двери с повреждённым именем. Дорогу она сегодня удержала без духа: разделила груз, нашла людей, приняла риск на себя, заставила посёлки участвовать. Но именно успех делал её довод опаснее. Человек, способный провести муку через осыпающийся проход, легко начинал верить, что сумеет так же провести другого

через согласие.

Савелий завернул оттиск и букву в отдельную ткань. На ярлыке написал полное название опоры, не сокращая ни одного знака.

Потом ниже добавил: передача не может быть срочным ремонтом.

Глава 6. Чужая подпись

Гонец вернулся из заставного архива после полуночи и привёз не договорную книгу, а ящик, набитый сырыми листами.

Ящик гремел на каждом камне. Лошадь была в пене, мальчишка-гонец держался за луку обеими руками и всё равно едва не свалился, когда Марта перехватила повод. Над заставой горели три жаровни. В их свете очередь к столу добровольцев казалась длиннее, чем была на самом деле.

Савелий насчитал семь человек.

Ни один не пришёл один. Возле седого рудокопа стояли двое взрослых сыновей. Молодую возницу держала под локоть мать. За широкоплечим каменотёсом теснились жена и трое детей. Люди не разговаривали, но смотрели на доску, где Марта велела написать обещанную плату: дом у заставы, двадцать мер зерна в год, освобождение семьи от дорожной подати, жалованье из четырёх посёлков.

Ниже Савелий своей рукой добавил: после передачи другому хранителю прежнее общественное имя перестанет принадлежать вам; записанные на это имя имущество, родство и права могут быть утрачены.

Эту строку читали дольше всех остальных.

— Нашёл только это, — выговорил гонец, спешиваясь. — Книгу вынесли в верхнюю кладовую девять лет назад. Там

крыша потекла. Переплёт расплзся, хранитель архива сложил листы в ящик. Сказал, разбирать некому.

Марта посмотрела на тёмные пятна на бумаге.

— Он хотя бы запомнил порядок?

— Говорит, порядок был уже нарушен.

— Очень удобно, — сказал Савелий.

Гонец поморщился, будто упрёк предназначался ему.

— Он дал расписку, что выдал всё.

— Это тоже удобно.

Савелий поднял ящик. От бумаги пахло плесенью, мышами и железной краской. На дне хлопнула вода.

— Собрание задержим? — спросила Марта.

Старосты уже занимали скамьи под навесом. За ними стояли рабочие, погонщики и жители Выселок, пришедшие узнать, сколько муки прошло через Медную Дверь. Семь желающих ждали у доски. Если Марта распустит людей, к утру условия обростут слухами. Если начнёт сейчас, имя одного из семерых может оказаться в договоре прежде, чем Савелий разберёт листы.

— Объявите всё, кроме выбора, — сказал он. — И скажите, что до проверки копий никто не будет назван перед духом.

— Они решат, что мы тянем время.

— Мы и тянем. Вопрос в том, для чего.

Марта забрала у него ящик с одного края.

— Для того, чтобы не повторить старую передачу.

Она сказала это достаточно громко. Седой рудокоп услышал и отвёл глаза от доски.

В канцелярии было теплее, но бумага от этого портилась быстрее. Савелий велел Тошу принести две сухие двери, снятые с пустого склада, и уложил их на козлы вместо столов. Листы нельзя было сушить у огня: железная краска могла осыпаться вместе с волокнами. Он разделял их тупым косяным ножом, прокладывал ветошью и прижимал по краям гладкими камнями.

Тош вернулся с дверями и остался смотреть.

— На собрание не идёшь? — спросил Савелий.

— Марта велела помогать вам.

— Марта велела или ты сам хочешь прочитать чужие тайны?

Парень покраснел.

— Читать я умею плохо.

— Тогда будешь учиться не додумывать. Это полезнее чтения.

Первый слой оказался расходными нарядами. Овёс для мулов, свечи для обходчика, дёготь, два полушубка, три пары сапог. На каждом стояла одна и та же подпись писаря: вытянутая буква «Я» с верхним крючком и тяжёлое окончание, словно перо в конце строки всегда спотыкалось.

— Ярополк Везень, — прочёл Тош на печати. — Это он дал Еремею имя?

— Он записал его. Дал ли — ещё не знаем.

— Еремей сказал, что дал.

— Еремей рассказал, как помнит. Я ему верю. Но в доказательстве надо отделять то, что видел человек, от того, что оставила бумага.

Тош нахмурился.

— Если вы ему верите, зачем бумага?

— Потому что палата скажет, будто он лжёт, чтобы не служить. А если бумага подтвердит подмену, палате придётся спорить со своей печатью.

За стеной Марта начала собрание. Её голос проходил сквозь доски ровно, без крика. Она перечисляла семь опор, называла повреждения и каждый раз повторяла: объём будущего обязательства пока не установлен. Толпа отвечала гулом. Затем староста Радомир потребовал назвать срок открытия дороги.

Савелий продолжал раскладывать листы.

Во втором слое лежали обходные ведомости. Восемь лет Еремей получал свечи и сухари, ставя вместо подписи косой крест. Под крестом писарь выводил: «Еремей Плёс, хранитель семи». Но первые две ведомости отличались. В одной было написано только «подёнщик Плёс». В другой слово «Плёс» темнело сильнее остальной строки и расплзлось по соскобленному месту.

Савелий поднёс лист к лампе.

— Тош, принеси зелёный песок с точила и чистую чашку.

— Зачем?

— Увидишь.

Пока парень бегал, Савелий нашёл ещё три исправленные строки. Имя было вписано поверх старого текста одной краской, но другим пером. У Ярополка при нажиме раздваивался правый край штриха. Здесь край был ровным. Значит, подмена могла быть не его рукой.

Тош принёс чашку. Савелий насыпал песок тонким слоем, накрыл его листом и легко провёл по бумаге шерстяной тряпкой. Песчинки легли в продавленные борозды, которых краска уже не показывала. Под словом «Еремей» проступили две высокие черты и круглая нижняя петля.

— Там другое имя, — прошептал Тош.

— Или часть другого слова.

— Какого?

— Не угадывай.

Он перевернул лист и осветил его сзади. Воск в бумаге стал прозрачным. Там, где прежнюю строку скоблили ножом, волокна светились белой полосой. Имя Еремея лежало точно поверх неё, а слово «хранитель» заходило на нетронутое поле.

Снаружи кто-то закричал:

— У человека должно быть право передать дом детям до обряда!

Другой голос ответил:

— Тогда любой богач перепишет всё заранее и останется богачом!

Марта ударила ладонью по столу. Шум стих.

Савелий нашёл лист принятия на службу почти у самого дна. Бумага была плотнее других и сохранилась лучше. Сверху стояла дата — девять лет назад, за два дня до первого обхода Еремея. Ниже Ярополк перечислил работу: проверять колёса на нижней заставе, следить за запасом клиньев, помогать при зимнем закрытии ворот. О духе, опорах и новолунии не было ни слова.

Внизу стоял крест Еремея.

Под ним — подпись Савелия Крута.

Он узнал её сразу. Тогда он писал размашисто, оставляя между именем и фамилией лишнее место. Ему казалось, что служебная подпись должна занимать строку целиком. Теперь буквы выглядели почти юношескими, но рука была его.

— Это ваша? — спросил Тош.

— Моя.

— Значит, вы видели, что тут нет хранительства.

Савелий провёл пальцем рядом с подписью, не касаясь краски.

— Я должен был видеть.

В памяти сохранился не лист, а холодная комната в уездной палате. Мокрый плащ на крюке. Ярополк, торопливо листавший бумаги. Чашка с засохшим квасом. Молодой Савелий хотел закончить до темноты и выехать к следующему розыску. Писарь сказал: человек согласен на дорожную службу, бумаги обычные, печать смотрителя будет утром.

Савелий спросил, нет ли спора о жалованье. Ярополк ответил, что нет. Этого ему показалось достаточно.

Он не читал вслух весь лист. Не позвал человека. Не спросил, что именно тому обещали.

— Вы подписали пустое место? — Тош говорил тише.

— Нет. Подписал службу у заставы. А передача была на другом листе.

— Тогда ваша подпись не под договором.

Савелий поднял следующий лист.

Передача была составлена на тонкой серой бумаге. В середине расплывалось бурое пятно, будто документ долго держали под мокрой чашкой. Текст начинался с названий семи опор. Затем шли слова принятия. Имя носителя темнело на месте широкой подчистки.

Внизу снова стояла подпись Савелия.

Тош перестал дышать.

— А эта?

— Тоже моя.

Савелий заставил себя прочесть строку над нею. «Свидетельствую тождество лица принятому на дорожную службу и отсутствие заявленного спора». Ниже Ярополк позднее приписал мелко: «передача совершена при сборщике».

Приписка заходила на край савельевой подписи. Для человека, который посмотрит быстро, казалось, будто сборщик подтвердил весь обряд. На самом деле он подтвердил только лицо и отсутствие заявленного спора. Это уменьшало его

вину на бумаге и никак не уменьшало её в жизни.

— Он подставил вас, — сказал Тош.

— Он использовал то, что я ему оставил.

— Вы не знали.

— Я не захотел узнать.

За окном объявили перерыв. Дверь распахнулась, в комнату вошла Марта. За ней тянулся холод и шум двора.

— Трое ушли, — сказала она. — Четверо остались. Старосты требуют выбрать одного утром. Что нашли?

Савелий показал ей два листа. Сначала служебный, потом передаточный.

Марта читала медленно. На её лице ничего не менялось, пока она не дошла до приписки Ярополка.

— Писарь мёртв?

— Шесть лет. Лихорадка в Нижнем городе.

— Удобно.

— Мёртвые часто удобны живым. На них можно сложить весь умысел.

— А на кого сложишь свою подпись?

— Ни на кого.

Марта положила передаточный лист обратно.

— Этим можно освободить Еремея?

— Перед палатой — доказать подлог. Перед духом — нет. Перепутник уже сказал, что понимание не входило в условие.

— Значит, бумага бесполезна для дороги.

— Она полезна для людей, которых хотят поставить в ту же строку.

Марта посмотрела в окно на четверых оставшихся. Каменотёс держал младшую дочь на руках. Девочка спала, уткнувшись в его плечо.

— Утром они будут беднее, чем сегодня, — сказала Марта. — Один обоз муки не отменяет зиму.

— Поэтому нельзя принимать их нужду за доказательство свободы.

— А можно принять её за причину слушать их серьёзно? Рудоконп сказал, что всё понимает и хочет оставить сыновьям дом. Возчица хочет вывести мать из барака. Ты решил, что знаешь их волю лучше них?

— Нет. Я решил, что обещанное им может исчезнуть вместе с их именем. Если дом запишут на хранителя, передача отнимет дом. Если заранее на родных — палата объявит дар способом уклониться от дорожного долга. Мы не знаем, признают ли посёлки выплаты после того, как получателя перестанут узнавать бумаги.

— Тогда составим обязательство перед семьёй.

— Чьей семьёй? После передачи запись перестанет связывать их с человеком.

Марта села на край второй двери. Усталость согнула её спину сильнее, чем мешок муки днём.

— Ты находишь дыру в каждом решении.

— Это моя работа.

— Нет. Твоя работа была взыскивать. Дыры ты начал видеть, когда нашёл под ними свою подпись.

Савелий не ответил. Тош сделал вид, что занят мокрыми листами, но слышал каждое слово.

— Верно, — сказал Савелий наконец. — Поздно начал.

Марта потёрла ладонями лицо.

— Покажи подчистку.

Он повторил опыт с зелёным песком на передаточном листе. Здесь продавленные следы сохранились яснее. Под именем Еремея проступала первая буква, похожая на «Л», затем узкая петля и длинная перекаладина. Последнее слово не помещалось в соскобленном месте и уходило под печать.

Марта принесла оттиск Медной Двери и положила рядом. На нём тоже была пустая полоса между уцелевшими краями названия.

— Одинаково, — сказала она.

— Что?

— На плите стирали середину тяжестью, здесь ножом. В обоих случаях края оставили. Потом решили, что новое слово встанет между ними и всё снова будет целым.

Савелий посмотрел на два листа. Один был копией договора, другой — отпечатком камня. Человеческое имя и название опоры портили одинаково: не ломали запись целиком, а вынимали неудобную часть, чтобы остальное продолжало служить.

Тош наклонился над нижним краем передаточного листа.

— Тут ещё царапина.

Возле печати шла тонкая дуга. Савелий сперва принял её за след мышинового зуба, но дуга повторялась дважды и замыкалась у края. Он повернул лист.

На обороте проступил зеркальный след другой записи. Когда документы лежали сырыми, краска верхнего листа отпечаталась на нижнем. Виднелись дата, окончание фамилии и те же слова: «передача совершена».

— Дайте зеркало, — сказал Савелий.

Тош принёс маленькое дорожное зеркало Марты. В отражении перевёрнутые буквы встали правильно. Фамилия заканчивалась на «-рин». Перед нею сохранялись две буквы: «Та».

— Татарин? — предположил Тош.

— Не угадывай, — одновременно сказали Савелий и Марта.

Тош закрыл рот.

Савелий перебрал уже высушенные ведомости. На шестом листе нашёл расход: «выдать вдове прежнего обходчика Лаврина Таярина две меры овса за оставшегося мула». На полях стояла дата за неделю до передачи Еремею.

Лаврин Таярин.

Прежний обходчик умер, но его имя не должно было оставаться в договоре, если передача была завершена правильно. Значит, Ярополк сначала подготовил запись на него — или использовал старую копию, соскоблил имя умершего и

вписал Еремея. Подлинного согласия Еремея на хранение на листе не было вовсе. Был крест под другой службой и подтверждение личности, вырванное из своего смысла.

— Перепутнику достаточно было произнесённого «да»,
— сказала Марта.

— Да. Но палате было недостаточно. Поэтому ей понадобилась бумага, будто всё сделано по правилу.

— И твоя подпись.

— И моя подпись.

Он произнёс это без оправдания. От слов ничего не стало легче, зато они перестали прятаться между строками.

Во двор вышел Радомир и потребовал продолжить собрание. Марта поднялась.

— Что ты скажешь им?

— Что найден подлог. Что моя подпись помогла его прикрыть. Что до разговора с Еремеем и проверки остальных копий я не удостоверю нового человека.

— Они обвинят тебя в том, что ты спасаешь себя.

— Будут правы отчасти.

— Тогда зачем признавать сейчас? Можно сначала добиться решения палаты.

— Палата будет решать, можно ли доверять палате. Это займёт дольше зимы.

Марта задержалась у двери.

— Если скажешь про подпись, тебя отстранят.

— Если не скажу, она снова сработает как печать молча-

ния.

Он вынес оба листа под навес. Тош шёл следом с лампой, Марта — с оттиском Медной Двери. Разговоры стихали не сразу. Люди ждали, что им назовут одного из четырёх оставшихся. Каменотёс передал спящую дочь жене и вышел вперёд.

Савелий положил бумаги на стол старост.

— Сегодня выбора не будет, — сказал он.

Радомир ударил ключом по столешнице.

— Ты обещал назвать все условия, а не запретить людям решать.

— Я назову условие, которого девять лет назад не называли Еремею. Его приняли на работу у заставы и отдельно спросили согласие так, чтобы он не знал полного смысла. Потом имя умершего хранителя соскоблили, поверх вписали имя Еремея. Здесь нет его подписи под хранительством.

— Он всё равно сказал духу «да», — возразил староста Рудного.

— Сказал. Поэтому договор держится. Но человеческая запись подделана.

— Кем?

— Писарем Ярополком Везенем. И мной.

Теперь тишина пришла сразу.

Савелий указал на свою подпись.

— Я подтвердил личность Еремея, не поговорив с ним и не проверив, к какому листу приложат подтверждение. Пи-

сать дописал, будто передача совершена при мне. Я не произносил этих слов, но оставил ему возможность их написать.

— Такними свою подпись, — крикнула женщина из толпы.

— Нельзя. Ни с бумаги, ни с того, что случилось.

— Тогда отвечай сам!

Кто-то одобрительно загудел. Радомир не остановил людей. Марта стояла сбоку, не защищая Савелия и не уходя от него.

— Отвечу свидетельством перед палатой и потерей службы, если палата решит по закону, — сказал Савелий. — Но сегодня вопрос не обо мне. Четверых людей хотят поставить в договор, границы которого ещё неизвестны, обещав им права, которые исчезнут вместе с именем. Я не удостоверяю такую передачу.

Седой рудокоп шагнул к столу.

— Я не просил тебя решать за меня.

— Верно.

— У меня два сына. Дом им нужнее, чем имя мне. Если я скажу это при всех, ты назовёшь меня несвободным?

— Нет. Я скажу, что посёлки пока не доказали, что дом останется вашим сыновьям после передачи. И что мы пока не знаем, придётся ли вам обходить семь опор или три. Когда узнаем и закрепим плату так, чтобы её нельзя было отнять вместе с именем, я выслушаю ваш ответ.

Рудокоп посмотрел на сыновей. Старший едва заметно

кивнул, младший уставился в землю.

— Сколько ждать?

— Завтра я еду к Еремею с копиями. Потом вызываю Перепутника у повреждённой опоры и задаю вопросы о старом имени и границах записи. Два дня.

— За два дня Овечий Зуб может сойти, — сказал Радомир.

Марта вышла вперёд.

— Не сойдёт, если ваши шестнадцать человек явятся утром. Иваль уже поставил подпорки. До ответа духа мы держим склон руками.

— А потом?

— Потом решим, что осталось держать словом.

Она не сказала, что добровольца выберут. Не сказала и обратного. Толпа расходилась медленно. Четверо желающих забрали семьи, но седой рудокоп подошёл к доске и приписал возле своего имени: «жду точного долга». Затем вернул уголь Марту.

Когда двор опустел, Савелий снова увидел на передаточном листе собственную подпись. Утром она казалась уликой против писаря. Теперь стала сроком, который отсчитывал его прежнюю жизнь. Как только копия дойдёт до палаты, печать сборщика у него отберут. Возможно, раньше, если среди старост найдётся быстрый гонец.

Тош собирал камни с краёв просохших листов.

— Вы правда не помните Еремея в тот день? — спросил

он.

— Не помню.

— А он вас помнит.

— Поэтому завтра я буду слушать его, а не свою бумагу.

Марта завернула подлинники в промасленную ткань. Оттиск Медной Двери положила отдельно.

— Подлинники останутся у меня до утра, — сказала она.

— Не потому, что не доверяю тебе. Потому что теперь они опасны и для палаты, и для тех, кто захочет назвать одного умершего писаря единственным виноватым.

— Сделаем две копии при свидетелях.

— Три. Одну отдашь Еремею.

Они работали до рассвета. Тош читал каждую строку вслух, Савелий переписывал, Марта сверяла буквы и ставила дорожную печать. В третьей копии Савелий не повторил писарскую приписку. Вместо неё точно указал: его старая подпись подтверждала личность принятого на службу человека, но из-за небрежности была использована как видимость удостоверения передачи.

На первой полосе света он закончил последнюю страницу. За окном люди уже шли к Овечьему Зубу с ломami и брёвнами. Дорога пока держалась не именем. Её держали те, кто согласился ждать точного ответа два дня и платить за ожидание собственной работой.

Савелий поставил под новой записью подпись. На этот раз оставил после неё ровно столько места, сколько занимали

слова. Ни одной пустой строки, куда другой человек мог бы вписать удобный смысл.

Глава 7. Сборщик приходит второй раз

До дома Еремея Савелий добрался раньше полудня. Ночью подморозило, и колея звенела под копытами, будто дорога стала пустой медной трубой. На поворотах из неё выдувало сухую пыль, а в ложбинах лежала белая крупа первого инея. За спиной, в кожаной сумке, шуршала заверенная копия. Савелий ловил этот звук всякий раз, когда мул оступался, и вспоминал две свои подписи на разных листах.

Марта дала ему Тоша и двух артельщиков. Не для охраны, сказала она, а чтобы свидетели не помещались в один карман. Савелий не спорил. Один из артельщиков, Стан, вёз деревянный ящик с хлебом и солью для Еремея. Второй, молчаливый Кулей, нёс за седлом свёрнутую парусину: у Второй Спины после ночного мороза снова сыпало мелким камнем, и на обратном пути они должны были закрыть трещину от воды.

У крайнего колодца им встретились две женщины с вёдрами. Старшая поставила коромысло на землю и долго смотрела на Савелия. Он поздоровался. Она не ответила.

— Всё-таки вернулся, — сказала младшая.

Савелий придержал мула.

— Мы встречались?

Женщины переглянулись. Старшая сжала губы, словно вопрос показался ей дурной шуткой.

— Он и тогда так говорил, — сказала она спутнице. — Будто человека перед ним нет, одна строка.

— Когда тогда?

— Когда Лаврина хоронили.

По реестру Лаврин Таярин умер за неделю до передачи. Савелий вынул записную книжку, но не раскрыл. Сначала следовало услышать рассказ целиком, а уже потом прижимать его датами.

— Как вас зовут?

— А теперь спрашиваешь? Милета я. Это Дана, племянница. В тот раз её дома не было.

Младшая кивнула. Значит, её слова «всё-таки вернулся» были повторением чужого ожидания, не собственным воспоминанием. Савелий отметил это про себя.

— Где вы меня видели, Милета?

— У этого колодца. Сидел вон на том камне и сапог вытряхивал. У тебя подкладка была красная, вся в репьях. Ты спросил, где дом обходчика. Я сказала: Лаврина вчера понесли на кладбище. А ты выругался и поехал к писарю.

Савелий посмотрел на свои сапоги. Подкладку давно сменили, но девять лет назад дорожная палата выдавала сборщикам красный войлок. Репья росли ниже кладбища, в сухом овраге. Подробность могла быть верной, а могла перейти от человека к человеку вместе с рассказом.

— Что именно я сказал?

— Этого не помню. Что-то про позднее донесение.

— Я называл своё имя?

— Ты показал бляху. На ней было.

Она подошла ближе и прищурилась на латунный круг у его груди. Бляха была новая: прежнюю Савелий сдал семь лет назад, когда палата сменила печать с колесом на семилучевую звезду.

— Не эта, — сказала Милета. — С колесом была. И край погнут здесь.

Она коснулась пальцем левой стороны своего коромысла, показывая место вмятины.

У старой бляхи действительно был погнут левый край. Савелий уронил её под полоз саней в первую зиму службы. Об этом знали в палате и ещё десяток людей на дорогах. Но Милета не обязана была знать.

— Вы говорили об этом кому-нибудь после моего приезда сейчас?

— Еремею говорила. Он ответил, что сборщик ничего не помнит. Вот я и ждала, когда ты спросишь.

— Я спрошу ещё раз при свидетелях. Если согласитесь.

— Свидетелей у тебя и так полна дорога.

Милета подняла коромысло. Вёдра качнулись, вода плеснула на иней.

— Зайди к Грану, — сказала она перед тем, как уйти. — Он тогда чинил тебе стремя. А потом к вдове Лаврина. Толь-

ко не приходи к ней с пустыми руками и вопросом, почему она девять лет молчала.

Дом Еремея стоял с новой дверью. Доски были сырые, светлые, петли — старые. В прошлый приезд Савелий видел на косяке щепки от топора. Теперь выбитая дверь лежала у стены, и Еремей колол её на растопку.

Он заметил всадников, отложил топор и не поздоровался.

— Привёз бумагу, — сказал Савелий.

— А имя?

— Нет.

— Тогда входи.

В доме пахло овсяной кашей и свежей стружкой. Еремей не сел, пока Тош не разложил на столе копию и не назвал вслух всех, кто присутствовал при переписывании. Савелий передал листы. Еремей взял их обеими руками, будто они были тяжелее ящика с зерном.

— Читать будете вы, — сказал он Тошу.

— Почему он? — спросил Савелий.

— Потому что у него глаза бегают по строкам медленнее. Успею остановить.

Тош покраснел, но начал. На словах о найме Еремей попросил повторить обещанное жалованье. На строке с прежним обходчиком поднял ладонь.

— Лаврин Таярин, — произнёс он. — Вот чьё имя было снизу?

— Судя по отпечатку и расходной записи, да, — ска-

зал Савелий. — Окончательно это подтвердит подлинник из уездного архива, если он сохранился.

— Я знал Лаврина. Он хроمال, но обходил опоры быстрее меня. После его смерти жена отдала палате именной гвоздь. Я сам видел.

— Где?

— У писаря. Ярополк положил гвоздь в деревянную коробку и сказал, что теперь камень выберет другого.

— На гвозде было имя Лаврина?

— Я не читал. Он завернул его в тряпку.

Савелий записал точные слова. Копия объясняла бумагу, но не объясняла его приезд. В его журнале между взысканием на Соляном тракте и возвращением в уезд стояли четыре дня. Внизу он собственной рукой вывел: «задержан ливнем у заставы Теснины». Ни Второй Спины, ни смерти обходчика, ни разговора с писарем.

Тош дошёл до признания Савелия. В маленькой комнате его прежняя небрежность звучала хуже, чем перед шумной толпой. Там слова сразу встречались с гневом и растворялись в нём. Здесь после каждой строки оставалась тишина.

— Всё так? — спросил Еремей.

— Всё, что удалось доказать.

— Не спрашиваю про бумагу. Ты тогда не говорил со мной?

— Не помню разговора с вами. По найденному листу я видел запись о найме и подтвердил, что принят тот человек,

которого привёл писарь. Если этим человеком были вы, значит, видел. Но не спросил, что вам объяснили.

— Я тебя помню.

Савелий закрыл книжку.

— Расскажите.

Еремей налил всем воды, хотя никто не просил. Себе чашку не взял.

— Ярополк привёл меня к заставе под вечер. Сказал: сейчас сборщик подтвердит, что ты тот самый работник, и утром получишь сапоги с задатком. Ты стоял под навесом, ел репу. Спросил моё новое имя. Я сказал: Еремей Плёс. Ты спросил, сам ли я пришёл на дорожную службу. Я сказал: сам. Потом Ярополк дал тебе лист. Ты прочёл верх и низ, посередине не стал. Спросил у него, нет ли спора о жалованье. Он сказал, нет. Ты велел мне поставить крест.

— Где?

— На листе про заставу. Не на сером.

Это совпадало с бумагами и не объясняло подпись на передаче.

— После этого я ушёл?

— Нет. Ярополк вынес серый лист. Сказал, нужна ещё одна печать на случай закрытия ворот. Ты торопился. Подписал у края, не читая. Потом велел писарю закончить без тебя.

Тош перестал следить за копией и смотрел на Савелия.

— Я помню холодную комнату в палате, — сказал Савелий. — Не заставу.

— Значит, удобную комнату помнишь, а меня нет.

— Я не спорю с вами. Но должен понять, почему мой журнал говорит другое.

— Потому что ты в нём написал другое.

Ответ был слишком простым, и потому Савелий сперва рассердился. Не на Еремея — на расстояние между строкой и прожитым днём, которое нельзя было измерить линейкой. Он открыл журнал на нужной странице.

— Здесь не просто пропуск. Здесь записана другая дорога. Чтобы скрыть поездку, мне пришлось бы заранее выбрать ложное место, получить печать заставы Теснины и подделать расход овса.

Еремей пожал плечами.

— Ты был сборщиком. Наверное, умел.

— Умел. Но зачем мне скрывать обычное удостоверение найма?

— Значит, оно было не обычным.

Савелий подошёл к окну. За мутным стеклом Стан распрягал мулов, Кулей осматривал косяк. На улице остановилась девочка с корзиной, увидела Савелия и побежала обратно к соседнему дому. Через минуту оттуда вышел седой мужчина в кожаном фартуке.

— Гран, — сказал Еремей. — Тот самый, со стремянем.

Гран вошёл без приглашения, положил на стол старую железную пряжку и сказал:

— Моя работа.

На язычке была насечка в виде рыбьего хвоста. Савелий перевернул пряжку. С обратной стороны темнело клеймо его дорожного имущества: две буквы и номер семьдесят четыре.

— Где взяли?

— Ты оставил. Ремень лопнул, я переставил пряжку на новый, а эту велел выбросить. Я не выбросил. Железо целое было.

— В какой день?

— Наутро после похорон Лаврина.

— Кто видел ремонт?

— Сын. Только он зимой ушёл на рудники и там погиб.

— Почему вы сохранили пряжку девять лет?

— Потому что железо целое, я же сказал.

Гран произнёс это с таким оскорблённым достоинством, что Тош отвернулся, пряча улыбку. Савелию было не до улыбки. Номер на клейме совпадал. Такой предмет мог попасть сюда только с его снаряжения или из палатовского склада после списания. Старую сбрую списали восемь лет назад. Куда её отправили, он не знал.

— Вы рассказывали Еремею о пряжке?

— Показывал. Когда он сказал, что ты будто первый раз приехал.

— А Милете?

— Милета сама помнит твой сапог. Ей моя железка не нужна.

Три воспоминания уже успели соприкоснуться. Отделить

независимые подробности от общих разговоров становилось труднее с каждым часом.

— Я возьму пряжку до вечера? — спросил Савелий.

— Нет.

— Почему?

— В тот раз отдал тебе ремень и не получил платы. Теперь вещь останется у меня, пока не составишь расписку.

Савелий составил расписку в двух экземплярах, описал клеймо, насечку, ржавчину у оси и состояние металла. Гран прочёл медленно, заставил добавить вес пряжки и только тогда позволил Тошу завернуть её в тряпицу.

— Вот так и надо было с людьми, — сказал он. — Сначала что берёшь, потом для чего.

Когда Гран ушёл, Еремей наконец сел.

— Теперь веришь, что приезжал?

— Верю, что у жителей есть согласованные воспоминания и вещь с моим клеймом. Этого достаточно, чтобы считать журнал ненадёжным. Но я хочу понять, кто и зачем сделал его таким.

— Скажи проще.

Савелий заставил себя убрать привычную осторожность.

— Да. Я был здесь. Я не помню всей поездки и записал её как другую. Не знаю, сделал ли это сам, меня заставили или с моим именем уже тогда что-то случилось.

Еремей посмотрел на него внимательнее.

— С именем?

— Перепутник забирает имя при передаче. Мы знаем, что следы прежней записи соскабливали. Пока не знаем, можно ли переписать часть договора, вернуть носителя или спрятать действие под другим названием. Я не буду выдавать догадку за ответ.

— А если ты был не свидетелем?

Вопрос прозвучал тихо.

— Кем ещё?

— Тем, на кого писали до меня.

Тош уронил угол листа. Савелий поднял его и разгладил.

— Под соскобом найдено имя Лаврина.

— На копии. А на камне под моим именем есть другие насечки. Ты сам их видел.

Гвоздь лежал у Марты. В первой главе Савелий заметил под именем Еремея забитые старые черты, но решил, что они принадлежали прежнему хранителю. Теперь это перестало быть единственным объяснением.

— Почему вы не сказали раньше, что я приезжал?

— Сказал. У моего порога, когда ты спросил, виделись ли мы. Я ответил: возможно. Хотел посмотреть, вспомнишь ли сам.

— И не поправили, когда я ушёл.

— Девять лет назад ты тоже не поправил писаря. Считай, что мы квиты на один день.

Савелий принял укол. Еремей имел право не облегчать ему расследование, но дорога не могла ждать их справедли-

вого обмена молчанием.

— Кто ещё меня видел?

— Вдова Лаврина. Тётка из пекарни. Старый возчик Олей, если не запил память совсем. И мальчишки, которые украли у твоего мула колокольчик.

— Где колокольчик?

— У одного из них, наверное. Мальчишкам теперь за двадцать.

— Вы слышали мой разговор с Ярополком после подписи?

— Только конец. Ты сказал: «Одно имя на одну дорогу». Он ответил: «Иначе камень не поймёт». Потом вы ушли за заставу. Вернулся Ярополк один.

— Через сколько?

— До темноты. Ты уехал другой дорогой или остался наверху.

Савелий записал фразу отдельно. «Одно имя на одну дорогу» не было установленной формулой палаты. Так мог сказать молодой сборщик, пытаясь добиться ясности. Так мог сказать и писарь, объясняя подмену. Еремей мог перепутать голоса. Но если слова принадлежали Савелию, он уже тогда заметил несколько названий или несколько носителей.

С улицы позвал Кулей. На склоне выше дома треснул промёрзший желоб, вода шла под камни. Они отложили допрос и поднялись к канаве. Парусину прижали жердями, рыхлую землю выбрали лопатами, желоб подперли двумя плоскими

плитами. Еремей работал вместе со всеми, хотя Савелий не просил. Пока они ворочали камень, из ближайших домов пришли люди. Никто не задавал вопросов. Одни приносили клинья, другие отводили воду вёдрами.

Савелий увидел, почему их рассказы совпадали не только из-за пересудов. Под Второй Спиной люди запоминали чужие приезды как погоду. Один путник мог принести приказ, долг или закрытие дороги. Его сапог, сломанное стремя и украденный колокольчик становились общим делом, потому что расплачивался потом весь посёлок.

К полудню вода пошла по старому руслу. Милета принесла горячую репу в глиняном горшке. Поставила перед Савелием и сказала:

— В тот раз не доел.

Запах ударил сильнее любой бумаги. Печёная репа, дым сырого можжевельника, кислая соль на пальцах. На миг Савелий увидел навес, серый рукав писаря и собственную руку с ножом. Воспоминание исчезло прежде, чем он различил лицо рядом.

— Я ел такую здесь? — спросил он.

— Ты всегда задаёшь вопрос после того, как уже знаешь ответ?

— Иногда знание приходит не словами.

Милета фыркнула, но села на камень.

— После похорон я кормила всех, кто остался чинить ограду. Ты пришёл с Ярополком. Он не ел. Всё торопил тебя

к плите.

— К какой плите?

— К старой дорожной. Её тогда держали в сарае за заставой. Камень треснул зимой, и Лаврин снял его до ремонта.

Савелий положил ложку.

— Сейчас плита договора под Четвёртой Спиной.

— Сейчас. А тогда её возили сюда. Ярополк сказал, новый хранитель должен отвечать там, где умер прежний.

Еремей, стоявший у желоба, обернулся.

— Мне он показал только медный гвоздь. Камня я не видел.

— Тебя повели к сараю после заката, — сказала Милета.

— Я решила, там и ответил.

— Я отвечал у каменного столба над заставой. Ярополк велел положить руку на железное кольцо. Сказал, так принимают дорожников.

Сарая больше не было. На его месте стоял навес с сеном. Каменный столб уцелел у тропы, железное кольцо заржавело в его боку. Савелий очистил его ножом. Под ржавчиной обнаружились семь коротких насечек, расходящихся от отверстия. Это мог быть обычный привязной столб. Но семь черт были сделаны не копытами и не верёвкой.

— Не трогайте голой рукой, — предупредил он.

Тош уже протянул пальцы и поспешно отдернул их.

Савелий обернул кольцо платком. Металл был холоднее воздуха. В глубине столба что-то едва заметно дрогнуло, как

струна под каменной коркой. Не голос Перепутника, не действующая запись — остаток произнесённых слов.

Он попросил всех отойти и медленно назвал Козью Ступень. Ничего. Назвал Глухой Лоток. На третьем слове одна из насечек потемнела. Когда он произнёс полное старое название Медной Двери, из отверстия выпала крупница зелёной меди.

— Здесь принимали обход, — сказал он. — Или его часть. Еремей побледнел.

— Я держался за это кольцо, когда сказал «да».

— Что стояло рядом?

— Ярополк. Ещё человек в плаще. Лица не видел, капюшон был низко.

— Я?

— Ростом похож. Но голос был другой.

— Какой?

— Старше. Хриплый. Он называл опоры, Ярополк спрашивал, согласен ли я служить на дороге. Я отвечал после каждого вопроса.

Савелий посмотрел на столб. Здесь человека можно было связать с семью опорами, не показывая плиту и не называя его хранителем. Подпись сборщика на бумаге завершала для палаты видимость правильной передачи. Но зачем Савелия привозили сюда раньше? Чтобы он удостоверил личность. Чтобы увидел плиту. Или чтобы его собственным именем закрыли промежуток между смертью Лаврина и согласием

Еремея.

Он раскрыл журнал. Четыре ложных дня начинались да-той похорон и заканчивались утром после передачи. На стра-нице у корешка виднелись два прокола. Когда-то сюда был вшит дополнительный лист, потом нить перерезали. В обыч-ной проверке Савелий принял отверстия за след ремонта пе-реплёта.

— Тош, посмотри, не говори, что думаешь.

Тош изучил корешок.

— Лист был. Его вынули. Края не рваные, нить резали ножом.

— Запиши как увидел.

Савелий отдал ему книжку и снова повернулся к Еремею.

— Сегодня у нас два новых факта. Обряд проводили у это-го столба, а из моего журнала вынули лист о поездке. Осталь-ное пока вопросы.

— И то, что ты здесь был, — сказал Еремей.

— Это тоже факт.

Произнести его оказалось труднее, чем признать подпись. Подпись доказывала небрежность молодого служащего. По-ездка, вырезанная из памяти и журнала, означала, что Саве-лий мог быть не только удобным свидетелем. Его имя уже однажды стояло рядом с договором так близко, что кто-то потратил силы, отделяя его от четырёх дней жизни.

Он попросил Милету, Грана и Еремея дать отдельные по-казания. Каждого отвели в дом по одному. Тош записывал,

Стан свидетельствовал, Савелий не подсказывал даты и не показывал пряжку тем, кто ещё её не описал. Расхождения нашлись сразу. Милета считала, что Савелий приехал до похорон, Гран — наутро после них. Еремей помнил ясный вечер, хотя расходная книга отмечала дождь. Милета не видела красного войлока, пока Савелий не снял сапог; значит, её рассказ о подкладке мог относиться к минуте у навеса, а не у колодца. Но все трое независимо называли старую бляху с колесом. Гран и Еремей помнили лопнувший ремень. Милета и Еремей — печёную репу. Никто не сомневался, что Савелий оставался под Второй Спиной дольше одного дня.

Вдова Лаврина отказалась говорить. Она приняла ящик хлеба, выслушала просьбу из-за закрытой двери и ответила: — Пока живого человека снова не сделали покойником, ступай.

Савелий не стал давить. Передал через Милету копию расходной строки об овсе и попросил сообщить, если вдова сама захочет встретиться.

На обратном пути он заехал к столбу ещё раз. Солнце спустилось между хребтами, и семь насечек стали похожи на узкие тени от решётки. Савелий не касался кольца.

— Что напишете в палату? — спросил Тош.

— Пока ничего.

— Но вы же признались перед старостами.

— Признание касается того, что уже доказано. Если сейчас отправить в палату известие о вырезанном листе, настоя-

щий журнал могут объявить испорченным, а столб разобрать до нашего возвращения.

— Разве молчать не то же самое, что сделал Ярополк?

Савелий посмотрел на мальчишку. Хороший вопрос был неудобен именно потому, что не позволял прикрыться правильным намерением.

— Нет, если назвать срок и людей, которым доверяешь хранение. Сейчас мы вернёмся к Марте, сделаем копию страниц с проколами и опишь столба. Одну копию оставим Еремею, вторую — у старосты, третью повезём к другому писарю. До завтрашнего полудня решим, кому отправить донесение. Если не решим, отправим как есть.

— А журнал?

— Больше не останется только у меня.

Еремей проводил их до развилки. Заверенную копию он держал под курткой. У столба остановился.

— Ты спросил, почему я девять лет молчал, — сказал он.

— Не спрашивал.

— Хотел спросить. Все хотят. Я говорил первые два года. Мне отвечали: есть подпись сборщика, есть печать писаря, есть твоё «да». Потом перестал. Когда ты приехал сейчас и не узнал ни меня, ни дорогу, я подумал: либо врёшь, либо с тобой сделали то же, только аккуратнее.

— Вы потеряли имя. Моё пока при мне.

— Тогда проверь, всё ли оно твоё.

Еремей ушёл к дому. Савелий сел в седло, но не тронул

поводья. На внутренней стороне старой пряжки были выбиты его буквы. В журнале стоял его почерк. Жители связывали его лицо с поступками, которых он не помнил. Всё называло Савелия Крута и одновременно не вело к целому человеку.

Он вспомнил холод от кольца и фразу, которую Еремей приписывал ему: одно имя на одну дорогу.

Дорога была та же. Имя тоже. Не совпадал только прожитый путь между ними.

Савелий повернул мула к Медной Двери. До истечения отсрочки оставался один день. Теперь ему предстояло не только спросить Перепутника, что держит дух. Нужно было спросить, сколько раз один человек может оказаться в договоре и всё ещё считать своё имя собственным.

Глава 8. Три имени одного человека

К Медной Двери Савелий вернулся затемно. В караульной горела одна лампа, и вокруг неё лежали три копии его журнала: проколы у корешка, ложная запись о Теснине, расход овса. Марта прижала углы кружками от разбитых весов. Пока Тош читал свидетелям опись каменного столба, она не сказала ни слова. Потом взяла старую пряжку, сверила клеймо с записью и положила обратно в тряпицу.

— Значит, приезжал, — сказала она.

— Значит, моё снаряжение было под Второй Спиной, трое жителей помнят меня, а из журнала вырезан лист.

— Ты всегда оставляешь себе щель для бегства?

— Оставляю место для того, чего ещё не доказал.

— Хорошая привычка. Девять лет назад пригодилась бы.

Савелий кивнул. Оправдание она не просила, а предложить его означало бы потратить время обоих. Он разложил рядом копию принятия Еремея и указал на строки с жалованьем. На первом листе работник назывался Ермилом Безуглым. На втором — Еремеем Плёсом. Внизу, где серые волокна бумаги держали след соскобленного имени, уцелела лишь последняя буква прежней записи.

— Я считал, что Ярополк дал ему одно новое имя, — ска-

зал Савелий. — Но Еремей отвечал у столба человеку с хриплым голосом. Тот называл опоры, а писарь каждый раз спрашивал о службе и плате. Если слова разделили между двумя листами, одного нового имени могло оказаться мало.

Марта придвинула лампу.

— Для чего давать три?

— Чтобы человек согласился одним, получил деньги другим, а обязанность легла на третье.

— Духу какое дело до жалованья?

— Никакого. Дух слышит имя и ответ. Людям нужно было, чтобы в книгах всё выглядело законно.

Тош перестал писать.

— Но если имя новое, оно же всё равно его?

Савелий посмотрел на мальчика. Тот носил имя, которое выбрала мать, и пока не знал, что для многих дорожных работников имя было не только тем, на что откликаются. Им выдавали пропуск, койку, паёк и право пройти заставу. Забери запись — и человек оставался собой, но не мог доказать этого перед кладовщиком.

— Если я сегодня назову тебя Станом, ты не станешь Станом, — сказал Савелий. — Но если Марта внесёт Стана в артельную книгу, выдаст ему твою койку и будет платить ему твой задаток, придётся долго объяснять, кому принадлежит хлеб. А теперь представь, что настоящее имя запрещено на руднике, второе действует только до конца найма, третье высечено на камне. Какое из них дух сочтёт полным

общественным?

— То, которым его позвали при людях?

— Это и надо выяснить.

Марта открыла шкаф с книгами. Вынула расчётные тетради за последние двенадцать лет и сложила на стол.

— У меня работники под теми именами, которые представляли при найме. Старые книги заставы хранились в доме писаря. После смерти Ярополка их увезла палата.

— Все?

— Так сказано в описи.

— Кто составлял опись?

— Его преемник.

Марта нашла тонкую книгу выдачи инструментов. В ней были молотки, лопаты, верёвки, дорожные плащи. Савелий перелистывал страницы, пока не увидел незнакомую графу: «обозначение». Напротив имени работника стояла короткая запись — чаще цвет, ремесло или место, откуда тот пришёл.

Рем — Серый Камень.

Кулей — Верхний Угол.

Стан — Долгий Лом.

— Это прозвища бригад, — объяснила Марта. — На шумной осыпи имя не докричишься, а обозначение слышно. Цвет плаща и участок. Никакой тайны.

Савелий нашёл старый разворот. Девять лет назад рабочий Ермил Безуглый получил кирку, плащ и две пары обмоток. В графе обозначения стояло: Плёс.

Ниже другая рука добавила: «Еремей».

— Кто заполнял?

— Инструментальщик. Добавка похожа на руку Ярополка.

На следующей странице Ермил вернул кирку. За него расписался Еремей Плёс.

— Вот второе имя, — сказал Тош.

— Возможно, третье. Мы всё ещё не знаем, с каким он родился.

Марта резко захлопнула книгу.

— Родился он Ермилом. Сам говорил.

— Он говорил, что до заставы его звали иначе. Ермил могло появиться на руднике.

— И что нам даст счёт имён? Дорога закрыта, отсрочка кончается завтра.

— Даст понимание, можно ли считать ответы добровольцев действительными. Ты собираешь людей, зависимых от жалованья. Если палата умеет превращать согласие на плату в согласие на договор, нам нельзя повторять её вопросы даже случайно.

— Я не Ярополк.

— Тогда тебе первой нужно знать, как он это делал.

Марта отвернулась к окну. За стеклом ходили огни: артельщики таскали щебень к западной стене, где вода вымыла нижний ряд. В караульную доносился скрежет лопат. Дорога требовала решения громче любой бумаги.

— В нижнем складе есть книги выдачи хлеба, — сказала она. — Их не забрала палата, потому что по описи это хозяйственная дрянь. Если имена давали ради платы, след останется там.

Они спустились втроём. Склад стоял под навесом рудных весов, рядом с плитой, которую рабочие уже освободили от железной рамы. Внутри пахло мышами, солью и старой кожей. Марта отперла два замка, подняла крышку сундука и вытащила связку тетрадей. На бечёвке висела деревянная бирка: «Недоимки по пайку».

Савелий читал стоя. В первый год Ярополка имена работников менялись редко. Потом в книге появились зачёркивания. Гриша становился Григорием Щебнем, Олена — Еленой Холодной, безымянный мальчик из долгового двора — Фёдором Сухим. Рядом стояла одна и та же помета: «по новому свидетельству». Некоторые люди возвращались через сезон под третьим именем, и прежний долг по хлебу за ними уже не числился.

— Можно подумать, писарь помогал им уйти от долга, — сказал Тош.

— Сначала и я так подумал бы, — ответил Савелий.

Он показал другой столбец. Старый долг исчезал, зато рядом возникал задаток — ровно вдвое больше списанной суммы. Человек получал новое свидетельство, будто освобождался, и тут же оказывался должен за сапоги, дорогу и будущий паёк.

Марта прочла три строки и выругалась.

— Я застала эту книгу готовой. Мне сказали, так переносят людей между бригадами.

— Может быть, часть записей и правда о переводах.

— Опять щель?

— Проверка. Найдём живого человека и спросим.

В списке было семнадцать смен имён. Четверо работников погибли на рудниках, пятеро ушли за цепь, трое значились неизвестно где. Двое всё ещё жили при дороге. Один был Еремей. Вторая — прачка из посёлка под Третьей Спиной, записанная в текущей книге как Варка Зольная.

Марта знала её дом. Они пошли сразу, взяв копии страниц и свидетеля из ночной смены. Тош остался охранять найденные книги, хотя спорил, что способен идти и писать одновременно.

Ночь сдавила ущелье. Между стенами домов тянуло ледяным ветром, на верёвках хлопало бельё. Варка жила в пристройке у бани. Дверь открыла невысокая женщина с обожжённой щекой. Увидев Марту, она спрятала левую руку за спину.

— Я заплатила за дрова, — сказала она прежде, чем их пустили внутрь.

— Мы не за дровами, — ответила Марта.

— Тогда за койку. В этом месяце удержали.

— И не за койкой.

Савелий назвалсЯ и попросил разрешения задать вопро-

сы при свидетелях. Варка посмотрела на его бляху, затем на Марту.

— Опять имя менять будете?

В комнате стало тесно от одного вопроса.

— Сколько раз вам его меняли? — спросил Савелий.

— В бумагах или для людей?

— И так и так.

Варка впустила их. На столе стоял таз с серой водой, у печи сохли детские чулки. Детей видно не было, но из-за перегородки кто-то дышал во сне.

— Мать звала меня Варькой, — сказала женщина. — В долговом дворе записали Варварой Крошиной. Когда наняли к заставе, Ярополк сказал: Крошина здесь уже должна за умершую тётку, возмёшь другое имя — начнёшь с чистого счёта. Дал Зольную, потому что я бельё с золой кипятила. Потом для рудника сделал Веру Седую. Сказал, женское имя в списке грузчиков староста не примет, а Вера сойдёт за мужское, если последнюю букву смазать.

— Вы соглашались на каждую перемену?

— На чистый счёт соглашалась. Только он не был чистым.

Она достала из-за печи дощечку с зарубками. На одной стороне было восемнадцать длинных черт, на другой — тридцать одна короткая.

— Здесь мои дни. Здесь пайки. Ярополк платил Вере Седой, а хлеб выдавал Варке Зольной. Когда просила расчёт, показывал, что Вера получила серебро, а Варка должна за

муку. Я сказала, что это один человек. Он ответил: тогда назови при двух свидетелях, какое имя настоящее, и все долги сложим вместе.

— Назвали?

— Нет. У меня мать была записана на Крошину. Если бы я признала Зольную настоящей, меня могли вычеркнуть из её комнаты. Если бы назвалась Крошиной, повесили бы тёткин долг.

Марта медленно села на лавку.

— Ты приходила ко мне с расчётом два года назад.

— Приходила.

— Сказала, что не сходится один месяц.

— При людях сказала. А без людей меня к тебе не пустили.

— Я могла поднять старые книги.

— Вот и подняла.

Савелий не вмешался. В словах Варки не было просьбы простить или немедленно исправить. Она называла последовательность, как на дощечке: день, паёк, имя, отказ.

— Ярополк задавал вам вопросы у камня или железного кольца? — спросил он, когда молчание перестало быть полезным.

— У кольца на Третьей заставе. Там работников кляли не красть руду.

— Какими словами?

— Он говорил: «Получишь по имени Вера Седая шесть

монет за месяц?» Я отвечала: «Получю». Потом: «Согласна по имени Варка Зольная отвечать за взятое на службе?» Я отвечала: «Согласна». Ещё спрашивал про дорогу, но дословно не помню.

— Постарайтесь вспомнить не смысл, а сами слова.

Варка закрыла глаза. Пальцы её левой руки перебирали край фартука.

— «Будешь держать доверенный участок, пока дорога держит твоё жалованье». Я засмеялась и спросила, как дорога может держать деньги. Он сказал, это старые слова заставы.

— Какой участок?

— Нижний рудный путь. Я мыла там мешки.

— Опоры называли?

— Один камень. Рыжий Бок. После имени человека с хриплым голосом. Я его не видела, стоял за занавесом.

Тот же голос. Тот же разделённый вопрос. Только Варке достался не весь обход, а одна опора или один участок дороги.

— После той клятвы с вами происходило что-то странное? — спросил Савелий. — Люди забывали имя, документы переставали признавать?

— Документы меня и раньше плохо признавали. А имя... Она позвала за перегородку:

— Лиска, как меня зовут?

Сонный детский голос ответил:

— Мамой.

Варка усмехнулась без радости.

— Сын говорит Варка. Мать до смерти говорила Варька. На руднике звали Седым. Когда сборщик приезжал четыре года назад, прочитал Веру и спросил, где мужчина. Я стояла перед ним. Он решил, что тот сбежал, и закрыл строку.

— Не я приезжал?

— Нет. Тот был толстый, с белыми усами.

Савелий записал примету. Это был, вероятно, сборщик Верень, уже умерший. Закрытая строка могла означать, что Варкина обязанность прекратилась, когда неверно названный человек был объявлен исчезнувшим. Но Перепутник не отпускал записи из-за чиновничьей ошибки. Значит, либо клятва Варки относилась не к нему, либо имя Вера Седая никогда не стало для духа полным.

— Кто свидетельствовал выдачу новых имён? — спросил он.

— Писарь и наниматель. Иногда староста долгового двора.

— Вам давали свидетельство?

— Дали. Потом забрали, когда я ушла с рудника.

— А старое?

— Сожгли при мне.

— Пламя какого цвета?

Варка нахмурилась.

— Обычного. Ты думаешь, всё здесь колдовство? Бумагу

сожгли, потому что бумага могла доказать, что я дочь своей матери. Для этого дух не нужен.

Савелий опустил карандаш.

— Вы правы.

Именно это он рисковал пропустить. Перепутник делал человеческую уловку крепче, но не придумывал её. Писарю не требовалась магия, чтобы человек с тремя именами не мог потребовать плату. Достаточно было открывать перед каждым начальником другую книгу.

Марта попросила Варку принести дощечку утром к карательной. Та отказалась отдавать её, но согласилась прийти, если при расчёте будут двое выбранных ею свидетелей и если дверь не закроют.

— И ребёнка возьму, — добавила она.

— Возьми, — сказала Марта. — И мать бы позвала, если бы могла.

На улице Марта остановилась под верёвками с бельём.

— Я знала про прозвища, — сказала она. — Знала, что часть долгов переходила из старых книг. Но не знала, что плату и хлеб разводили по разным именам.

— Теперь знаешь.

— Этого мало.

— Да.

Они вернулись на склад. Тош успел разложить семнадцать случаев по годам. Оказалось, перемены имён учащались всякий раз, когда умирал обходчик или одна из опор начина-

ла осыпаться. Не все работники становились хранителями. Большинство служило ширмой: среди десятка новых свидетельств трудно было заметить одно имя, которое легло на договор.

Савелий провёл пальцем по датам. После смерти Лаврина новые документы получили шестеро. Еремей был четвёртым. Перед ним Ермил Безуглый. После него — Еремей Плёс. Три имени стояли не в одной строке, а на трёх разных листах, каждый из которых отвечал за свою часть жизни.

— Найдём запись долгового двора, — сказал он.

— Ночью? — спросила Марта.

— Сейчас.

Долговой двор располагался ниже старой рудни. Его управляющий, Сечень, долго не открывал ворота и согласился показать книги только после того, как Марта поставила у двери двух артельщиков. Он был сухим стариком с гладкими руками и слишком чистыми ногтями. На вопрос об именах пожал плечами.

— Мы людей не крестим. Записываем как назвались.

— Варвару Крошину вы записали сами, — сказала Марта.

— Давно было.

— Ермила Безуглого помните?

— Нет.

Савелий положил перед ним страницу хлебной книги. Сечень взглянул мельком.

— Писарьская рука. Ко мне отношения не имеет.

— Тогда покажите вашу книгу за тот год.

— Сгорела.

— Когда?

— Лет пять назад.

— Что ещё сгорело?

— Всё.

— У вас железный шкаф.

— Тогда не было.

Лгать Сечень умел хуже Ярополка. Он отвечал раньше, чем вопрос успевал стать точным, и каждый раз закрывал больше дверей, чем от него требовали.

Савелий попросил разрешения осмотреть комнату. Получил отказ. Тогда Марта предъявила распоряжение о закрытой дороге: пока четыре посёлка зависели от общего запаса, она имела право проверить число едоков и выданный хлеб. Это не давало права искать именные свидетельства, зато позволяло пересчитать книги пайков.

Сечень спорил до тех пор, пока во дворе не собрались жильцы. Люди молчали, но не расходились. Варка пришла следом за ними, уже без фартука, с дощечкой под мышкой. Увидев её, Сечень перестал спорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.